

Дмитрий Тростников

Прямой эфир

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Тростников Д. В.

Прямой эфир / Д. В. Тростников — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Все искушения обратной стороны телеэкрана: амбиции, зависть, риск, секс, ложь, видео, правда и предательство романе «Прямой эфир» - победителе литературного конкурса «Триммера-2011». Захватывающий сюжет о соперничестве профессионалов в стиле Артура Хейли и Джона Гришэма. В неравный бой ввязался частный телеканал, атаковав губернатора. Теперь кто кого: всемогущий губернатор стремится уничтожить дерзкий телеканал. В сражениях информационной войны шеф-редактору теленовостей предстоит научиться нарушать табу, используя изощренные приемы телевизионной кухни, пройти через искушения славой скандального телеведущего и страхом потерять все: даже свободу и жизнь. А главный выбор придется сделать на виду у всех, в прямом эфире!.. Где все тайное обречено стать явным.

© Тростников Д. В., 2007

© ЛитРес: Самиздат, 2007

ПРЯМОЙ ЭФИР
(роман)
ПЕРВАЯ СЕРИЯ
«РУПОР»

1

Часам к четырем стало ясно, что дело идет к срыву эфира «Новостей». Ставить в вечерний информационный выпуск было абсолютно нечего. С утра смонтировали только два сюжета: отчет о вчерашнем концерте в филармонии, и подробности убийства риэлтора, занимавшегося махинациями с квартирами. Вместе оба сюжета длились минуты три, и растянуть их еще сильнее было уже невозможно, да и не стоило того. Эти жалкие огрызки не спасали. Закрывать остальное эфирное время получасового главного выпуска теленовостей в 21.00 все равно было нечем.

Шла уже середина дня. Времени, чтобы хоть как-то исправить положение почти не оставалось, и оно продолжало неумолимо утекать. Из монтажной аппаратной примерно каждые пару минут раздавался дежурный взрыв хохота. Работы не было, и компьютерщики развлекались тем, что на большом плазменном экране, служившем для показа диаграмм прогноза погоды, смотрели «Властелина колец» в переводе «от Гоблина».

– Что мне нравится в новозеландских хоббитах – так это незамутненность сознания! Реальные пацаны, – раздавался из динамиков издевательский текст. – Но знай, Федор, что у вас в округе орудует банда педофилов, – кивал головой на экране седовласый «Пендальф»...

В аппаратной плоская острота вызвала бурю восторга. Стасу Андрееву стало не по себе. В этом балагане он был шеф-редактором. А над вечерним выпуском «Новостей» нависала более чем реальная угроза срыва. Стас мысленно представил себе недоумевающих людей, собравшихся перед экраном телевизора, на котором рябит серая муть. И таких комнат в городе бесконечная карусель: в каждом подъезде, каждом доме. Их тысячи.

Андреев поежился, и приказал себе немедленно вытряхнуть пугающую картинку из головы. Он здесь для того, чтобы не допустить этот кошмар. Надо срочно что-то придумывать. В разгар лета. Когда ноль событий. Ничего не происходит. Все в отпусках или на дачах. А для теленовостей эфир как был полчаса, так и остался. «Долбаное лето», – подумал Стас, вытряхивая из пачки последнюю сигарету.

– Половина съемочных групп в разъездах. Остальные сидят не занятые. Может, я тоже схожу пока в парикмахерскую, чем тут без дела болтаться? – вместо приветствия объявила Стасу выпускающий редактор Света Иванкова, не отрываясь от экрана компьютера.

Это была такая форма ультиматума, который означал, что Светке не нравится уже который понедельник прикрывать его опоздания на полдня. Вдобавок Андреев явно с похмелья, в тот самый момент, когда его голова особенно нужна. Что ставить в вечерний выпуск – совершенно непонятно.

Понимать друг друга без слов они научились давно. Поэтому от Стаса не требовалось извинений. Надо было другое – немедленно, в авральном порядке, что-то придумать.

– Дождь на улице, прическу испортишь. Погоди, Светик, сейчас вместе придумаем темы, – пообещал Андреев и вышел на крыльцо, перевести дух.

С козырька подъезда валились, одна за одной, крупные теплые капли июльского дождя. Курить, когда не находишь себе места из-за беспокойства о срывающемся выпуске, не получалось. Наскоро сделав несколько затяжек, Стас выбросил сигарету, и поторопился вернуться в редакцию.

– Не пойму, почему Настя до сих пор не вернулась с презентации яхт-клуба, – вполголоса пробормотала Иванкова.

– Какая Настя? – спросил Стас, понимая, что после вчерашнего коньяка туго соображает. А ситуация понемногу уплывает из-под контроля. Если еще и коллектив пойдет в разнос – это конец.

– Ну, помнишь, «сладкая парочка». Студенты-дипломники с факультета журналистики. Парень, Игорь, ты его на тему криминала поставил, и он сразу же сюжет про вокзальных карманников сделал – тебе еще понравился. А Настя – его подруга, длинная такая, шустрая, отправилась снимать регату еще утром. И что в такую погоду можно делать на море полдня?

Стас понял, о ком идет речь. Действительно, неделю назад на крыльце редакции вместо привычной группки курящих журналистов стояла только одна незнакомая высокая девица в джинсах, на которую он обратил внимание из-за вызывающе лихой кепочки. И уголки большого рта у девчонки были симпатично вздернуты вверх, делая ее похожей на озорного Буратино. Стас еще успел подумать, что если это особа из тех, что приходят на пробы – читать прогноз погоды, ее забракуют за слишком живую мордашку. А сейчас, значит, эта девочка зависла где-то на регате.

– Набери на мобильный? – предложил он.

– Уже пробовала. Заблокирован.

Вообще-то на разговоры уже не осталось времени. Если новостей нет – их полагается изобрести. Способы есть. Надо придумать тему, которая способна заинтересовать зрителей. Важно, чтобы она хоть каким-то боком перекликалась с сегодняшним днем. Можно покопаться, нет ли на этой неделе юбилейной даты – какого-нибудь трехсотлетия изобретения паровоза? Или можно взять интервью с полезными советами у какого-нибудь специалиста. Учитывая лето, врач, например, расскажет об оказании первой помощи утопающим. Жаль только, на прошлой неделе это уже использовали...

Изобрести тему – единственный шанс спасти выпуск. Если хоть какие-то события сегодня ожидались, Света бы их уже обязательно нашла. А вот изобретать «на ровном месте» – это уже компетенция Андреева. Кроме него, здесь этого никто не умел.

Но заставить себя думать никак не получалось. В голове пульсировал страх, что время уходит, что уже пятый час... Такого позора – срыва выпуска «Новостей» – не случалось за все годы вещания канала. На следующий день придется уволиться – это само собой разумеется. Но страшнее увольнения с позорным клеймом то, что после десяти лет работы с утра до ночи в редакции «Новостей» Стас просто не представлял себе жизни без телеканала «Орион». Он сам виноват, что довел ситуацию до тупика. Стоило всего на несколько часов позволить себе «отпустить вожжи», как дело тихо и незаметно сползло на край катастрофы.

Андреев еще раз велел себе не паниковать. Может, провести опрос прохожих на улице, например, допустимо ли использование мелодии государственного гимна в мобильных телефонах?.. Все, что угодно, лишь бы занять простаивающие съемочные группы.

Стас включил компьютер. Важно было сесть и сосредоточиться. Но такой возможности ему не представилось.

– Стас! К телефону! – окликнула его Иванкова.

– Давай не сейчас, – поморщился Андреев. – Скажи меня нет.

– Не получится, – пожал плечами Света. – Это Марк. Срочно тебя требует «на ковер».

Она протянула Андрееву телефонную трубку, из которой голос президента телекомпании лаконично, в приказном порядке, велел ему срочно прибыть на разговор. Марк Иосифович Даянов не стал слушать, когда Стас пытался выкроить хотя бы полчаса отсрочки для спасения срывающегося выпуска. «Это ваши проблемы! Ты мне нужен прямо сейчас!» – коротко скомандовал голос в трубке, и она застонала короткими гудками.

– Ну, все. Приплыли! – сказал Андреев, поднимаясь со своего места.

Когда вечерний эфир на грани срыва. Когда съемочные группы, выехавшие на задание, где-то теряются. Когда коллектив готов бунтовать от безделья. А главное, когда в голове нет ни единой толковой мысли, как выпутаться из этого переплета, вызов к начальству – это что-то вроде индульгенции. Пробки в голове с шипением перегорают, и наступает покой. Дальше от тебя уже ничего не зависит.

Впрочем, может же хоть раз эфир действительно сорваться? Жаль невозможно будет вечером никуда от этого спрятаться. Весь город начнет названивать Стасу на мобильный. Все станут подозревать, что в исчезнувшем выпуске «Новостей» было что-то такое, почему его запретили. А на самом деле просто Стас Андреев облажался, не сумел нормально организовать работу... И куда от этого спастись?

Офис «Орион-медиа», расположенный в двух кварталах от редакции «Новостей», годами изживал тяжкое наследие подвального видеосалона, откуда на заре 90-х телеканал начинал свой путь. Внешне все выглядело солидно. Логово коммерческого телехищника занимало нынче весь первый этаж жилого дома (вытеснив размещавшийся здесь во времена развитого социализма детский садик) и было отделано белым пластиком евроремонта. В приемной красовался роскошный домашний кинотеатр с большим экраном. Однако набор мелких шероховатостей, делал атмосферу видеосалона неистребимой, невзирая на помпезность обстановки.

Пульт от роскошного кинотеатра постоянно «где-то здесь только что был», и его начинали искать, заглядывая под столы и диваны. Стайка сотрудниц в приемной, возле роскошной автоматической кофеварки, привычно судачила о последних покупках. Дух видеосалона умудрялся спрятаться даже в нарочитой роскоши мягчайших кожаных диванов, в которых задницы посетителей утопали настолько глубоко, что встать обратно было не просто. А сильнее всего он давал себя знать в вечно затягивающихся встречах Марка, или его непредсказуемых опозданиях, когда дела, решаемые где-то, оказывались важнее дел, решавшихся здесь.

– Что там? – кивнул Андреев на дверь кабинета президента телекомпании, обращаясь к секретарю-референту, сосредоточенно корпевшей перед монитором компьютера.

– Подожди, у него какой-то серьезный разговор. Мужик важный из Москвы, – кивнула блондинка, не отрываясь от клавиатуры. – Присядь...

Начиналась пытка ожиданием. Лихорадочно перебирая в уме темы, которые могли бы выручить вечерний выпуск, Стас потянулся налить стакан воды. Не рассчитал глубины неудобного дивана, и неловко облился. Выругался про себя. И вдруг его осенило: сегодня же шестое июля. Завтра Иван Купала! В архиве «Новостей» с прошлого года сохранены съемки народных бесчинств: жалующиеся облитые женщины, скамейки, перевернутые ночью хулиганящей молодежью... Остается только взять комментарий – готовы ли правоохранительные органы к очередному празднику Купалы? Дополнить это еще историческим материалом о традициях языческого праздника. Сюжеты прямо сейчас могла бы начать делать, просиживающая без работы, красотка Элечка, ответственная за раздел культуры. Вот одна – спасительная тема! В сумме потянет минут на восемь или десять! Маловато, надо придумывать еще. А пока – скорее позвонить в редакцию, дать команду.

Но сделать звонок Андреев не успел. Как назло, случилось то, чего Стас еще секунду назад ждал с таким нетерпением – дверь президентского кабинета распахнулась. На пороге возник незнакомый Андрееву лысоватый, коренастый тип в пиджаке легкого покроя. Стоя вполоборота, он продолжал разговор, будто доказывал, что его слово останется последним.

– Предложение остается в силе, Марк Иосифович! Надеюсь, в следующий раз наша беседа сложится в более конструктивном ключе! – заявил посетитель вместо прощания. Андреев успел заметить, как мужчина украдкой промакнул платком побагровевшее лицо. Видимо, разговор состоялся не из легких.

– Ну, что ты сидишь, иди скорее! – прошипела Стасу секретарша. – Только я тебя умоляю – недолго! У него следующая встреча на пять назначена. Не хочу, чтобы график и сегодня полетел к чертям...

Стол президента телекомпании располагался в глубине кабинета. Сам он сидел за компьютером. К сорока годам Марк Даянов заматерел, как матеруют в России все денежные мужики – погрузнел, и обзавелся залысынами. Он полюбил дорогие костюмы и изысканный

одеколон. И если в середине 90-х он сам подруливал ко входу телестудии на черной «девятке», и здоровался за руку со всеми вплоть до последнего осветителя, то теперь лишь изредка, для души, водил «Лексус», на официальном же «Мерседесе» ездил с водителем-телохранителем. Как-то само пришло обращение – Марк Иосифович, а за глаза прозвище «великий и ужасный». Но что не изменилось в принципе – Даянов всегда оставался азартным игроком, в любой момент готовым и умеющим играть по-крупному.

Неизменной с середины 90-х оставалась на «Орионе» и каста «неприкасаемых» сотрудников, пользовавшихся привилегией называть городского медиа-магната просто Марком и «на ты». Руководитель информационной службы Станислав Андреев входил в эту небольшую касту.

– Что так слабо работаете?! – заявил Марк, без каких-либо вступлений, не отводя глаз от монитора.

– Лето, новостей нет, – буркнул Андреев, усаживаясь на свое обычное место за длинным полированным столом. Стасу было стыдно, что с первых же слов приходится искать оправданий, чего он старался не показывать. Особенно потому, что как раз сегодня все было хуже некуда.

– Рейтинг у твоих новостей такой, что проигрываешь ГТРК вдвое. Осталось только дециметровым каналам начать проигрывать. Славно работаем!..

А вот это уже была наглая ложь и провокация. Замеры доли аудитории за два последних месяца, присланные службой «Гэллап», Стас знал наизусть. Про дециметровые каналы говорить вообще не стоило. Там рейтинги информационных программ никогда не поднимались выше двух процентов. Что же касается ситуации с местным ГТРК, то «Орион» действительно проигрывал государственному каналу по среднесуточным показателям. Но отнюдь не из-за «Новостей». Рейтинг ГТРК держался летом на достойном уровне за счет удачного многосерийного латиноамериканского сериала. Когда же серия заканчивалась, и подходило время новостей рейтинги государственного и частного каналов выравнивались «голова в голову», значит информационная служба «Ориона» работала даже эффективнее. А проигрыш канала в целом происходил из-за того, что Марк не купил вовремя то самое латинское «мыло».

Впрочем сам тон Марка, достаточно изученный за много лет, не оставлял сомнений «на ковер» вызвали не для рядового «разбора полетов». Это обычный стиль общения президента «Ориона» – с первых слов ошарашивать подчиненных. Марк явно чего-то хотел. Андреев насторожился.

– Исправимся, Марк Иосифович! – пообещал он. И добавил: – Ты лучше, говори прямо, что хочешь? Насчет рейтингов мы ведь оба знаем, кто отказался покупать «Горький цветок последней любви», когда москвичи предлагали...

– Вам все шуточки! – неожиданно расширепел Даянов. – Вон они, ваши любимые москвичи, только перед тобой спровадил одного такого из «АБС-медиа». Как акулы кружат вокруг канала, подходы ищут, руки выкручивают. И если ничего не делать – они нас сожрут. А от вас, вместо поддержки, только о зарплате и слышу, – проворчал Даянов, и сердито откинулся на спинку кресла.

– Ты же говорил, что у «АБС» совсем маленький пакет акций «Ориона»? Ты его разве до сих пор не выкупил? – пробормотал Андреев.

– Ты пойми, у «АБС-медиа» натура такая – во всех регионах, куда заходят, стараются откусить кусок... – Даянов щелкнул зажигалкой, прикурил сигарету, быстро успокаиваясь. – Не знаешь, что ли, как это делается?.. Потребуют внеочередного собрания акционеров, и тайком его проведут, не выезжая из Москвы. Там выберут другого президента. А здесь захватят канал, и дальше сколько угодно можно доказывать в судах, что у них акций не хватало и собрание не легитимно. Думаешь, если им удастся убрать меня, это вас не коснется?! Первое, что они сделают – сразу поменяют топ-менеджеров. Поставят своих, из Москвы, и пошло-

поехало. Увеличение времени сетевого вещания, сокращение местного. Местные «новости» делать дорого, их сократить, и поставить на это время какой-нибудь сериал – втрое дешевле...

Даянов проговорил эту мрачную перспективу с каким-то механическим равнодушием. Видимо, он давно ощущал опасность, и просчитал ситуацию на много ходов вперед. Андреев понял, что угроза серьезна – иначе Марк не завел бы такой разговор. Но все равно сидел как на иголках – его изводила необходимость срочно озадачить журналистов в редакции сюжетами про Ивана Купалу. Угроза срыва вечерних «Новостей» была сейчас страшнее. Стас места себе не находил, буквально ерзал на стуле, не решаясь прервать Марка, чтобы срочно позвонить в редакцию. А президент «Ориона», как назло, сообщал очень важные вещи, и не думал останавливаться.

– Раньше губернатор нас прикрывал. И мы его «пиарили» изо всех сил, – пояснил Даянов. – А теперь я уже неделю на прием прорваться не могу. Позвоните завтра!.. И начинаю подозревать – не нашли ли АБСники подход к нашему Анатолию Тимофеевичу?.. Как это иначе объяснить?

Марк встал со своего места, прихватил пепельницу, обогнул угол стола и встал прямо напротив Стаса.

– Летом политики мало, телезрителям скучно, поэтому рейтинги низкие, – сказал президент телеканала, затягиваясь сигаретой и посматривая сверху вниз на руководителя информационной службы. – Вот скажи, например, когда последний раз вы делали репортаж про Цветмет? Что там вообще творится при новых собственниках?..

Марк пристально посмотрел в глаза Андрееву. Стас не сразу поверил, что президент телеканала действительно решится на такое:

– Марк, это все равно, как объявление войны... Это же была неприкасаемая тема? – вполголоса спросил, почти прошептал Андреев. – Мы уже два года ничего не снимаем о заводе. Ты же сам давал такую установку – попусту Цветмет не трогать. Иначе «дед» на нас спустит всю свору обладминистрации. Мы и не трогали.

– Правильно, я говорил «попусту не трогать», – согласился Даянов. Настал его любимый момент в разговоре. Марк готовился выложить главный козырь, который неоспоримо докажет его превосходство. – Но ситуация изменилась. У меня информация, что «дед» дал добро на продажу москвичам госпакета акций, который еще оставался в областной собственности. И теперь они смогут делать с заводом все, что захотят. Там же долги по зарплате космические. Они завод обанкротят, а территорию и корпуса по частям сдадут в аренду. Процентом двадцать служб останутся работать, остальных – в бессрочные отпуска...

– Откуда у тебя такая информация?.. – поразился Андреев.

То, что сейчас рассказывал Даянов – настоящая бомба. Сенсации такого уровня уже давно не попадало в распоряжение «Новостей-Орион». Завод Цветмет был самым крупным предприятием в области. Вокруг этого гиганта все 90-е годы шли непрерывные финансовые войны. Любой сбой, малейший «насморк» в работе флагмана областной экономики передавался судорогами для мелких предприятий, завязанных на его обслуживание. Дальше он катился, нарастая комом социальных последствий для тысяч рядовых граждан, получавших или не получавших зарплату в зависимости от платежеспособности массы мелких фирмочек и контор.

– Что, сенсация?! – ухмыльнулся Марк, довольный произведенным эффектом. – Глаза загорелись?..

– Ты же знаешь, что «дед» такого телекомпания не простит. Ты всерьез решил затеять войну с губернатором?..

– Забудь про «деда». Он уже отыгранная фигура, – Даянов перестал ходить по кабинету, сел прямо напротив Стаса, заговорил тише, но внятно. – Ему никогда не добиться переназначения. Сейчас губернатор начнет готовить себе запасной аэродром. В область повалят москвичи,

и с его благословения начнут все скупать, всех выдавливать. Даже в окружении «деда» многие понимают, что он засиделся. И готовы делать ставку на более молодых и энергичных людей. Скоро выборы заксобрания, которое будет утверждать губернатора. Значит, надо «мочить». Надеюсь тот, кого поставят вместо «деда», окажется большим реалистом.

Андреев понимал, идет самый серьезный разговор с президентом телекомпании за все годы их совместной работы. Но все равно не мог унять тикающий в голове отсчет секунд, до надвигающегося вечернего эфира.

– Тогда мне надо срочно на студию. До эфира два часа, – привстал Стас. – Иначе не успею подготовить сюжет.

Но Даянов не собирался его отпускать.

– Да погоди ты! Тут судьба канала решается, а он носится со своим жалким выпуском «Новостей»!.. – возмутился Даянов. – Лучше скажи, если начнутся большие разборки: ты со мной или нет?

– Теперь перед каждым эфиром в чистое переодеваться? – попытался отшутиться Стас. По поводу предстоящего «наезда» на губернатора ему не требовалось принимать никакого решения. Андреев знал, что если Марк уже решил для себя ввязаться войну, то и ему останется только готовиться в поход, как полевому капитану за своим генералом. Не раздумывая, правильный ли у генерала план сражения, а только прикидывая, где лучше вырыть окопы, да заботясь, чтобы его батальону вовремя подвезли горячую кашу.

– Ты не вилай, – с силой погасив сигарету в пепельнице, произнес Даянов тоном, от которого пропадало всякое желание шутить. – Мы – команда?..

– Да, конечно, я с тобой, – ответил Андреев, стараясь смотреть «великому и ужасному» прямо в глаза. – Ты мог бы и не спрашивать. Только если начинается большая информационная война с губернатором – одних «Новостей» телеканалу будет мало. Кто-то их не успеет посмотреть, другие не обратят внимания. Нам нужен такой рупор, чтобы весь город его обязательно слышал...

– Ты все мечтаешь о большой программе? – мгновенно отреагировал Даянов.

Стас пожалел, что не вовремя вспомнил о наболевшем. Теперь разговор мог затянуться, еще бог знает на какое время.

– Ты представляешь, сколько будет стоять минута эфирного времени в таком блокбастере? Мы ведь не федеральный канал, нас «Газпром» не спонсирует.

– Мы просто боимся поверить, что можем конкурировать с федеральными телеканалами, если захотим, – буркнул Стас. – Сколько раз я говорил, что каналу нужна большая, главная программа? А в ней собрать все самые интересные работы журналистов, лучшие силы. Зрители должны знать, что вот это нельзя пропустить, это лучшее на «Орионе». Но всегда денег не было.

– Рупор, говоришь? – наморщил лоб Марк. – Ладно, сначала надо ввязаться в драку, там посмотрим. Тему Цветмета надо начать сегодня. Я хочу, чтобы ты выдал в эфир сюжет, в котором напомнил историю войн за Цветмет, а на словах добавил, что госпакет акций на прошлой неделе был передан в трастовое управление московской ФПГ «Оптимум». Тайно, в результате липового конкурса, что является нарушением федерального закона, и без одобрения депутатов областного собрания, что является нарушением областного закона...

В углу кабинета часы, выполненные под старину, принялись отбивать помпезную мелодию, докладывая, как честно и точно они работают. От их звуков, Андреев едва не подскочил на стуле.

– Марк! – заорал он. – Пока я тут сижу – выпуск «Новостей» срывается. Так мы сегодня вообще не выйдем в эфир!

– Ладно, иди. Только подай эту новость так, чтобы наповал! Сделай, чтобы у всех дух захватило. Очень прошу... – смиловился Даянов. – Нет, стой!

Президент телеканала остановил сорвавшегося с места Андреева уже у дверей кабинета.

– Хочу, чтобы ты запомнил еще одну вещь. Когда начинается игра по крупному, выигрыш может быть очень серьезным, – четко отделяя каждое слово, проговаривал Марк. – Не только для меня, но и для всех, кто со мной. Вот ты бы, например, что хотел?

– Большую программу, ты же знаешь, – вполоборота признался Стас, не отпуская ручку двери.

– Нет, я спрашиваю лично для тебя?

– Квартиру, – наскоро оценив масштаб своего амплуа в этой игре, выдохнул Андреев, выскакивая из кабинета.

– Сколько комнат?.. – успел с улыбкой крикнуть вслед Даянов.

2

За несколько минут до начала выпуска «Новостей» в редакции «Орион-ТВ» уже никто не ходил шагом. По коридорам то и дело раздавалась дробь женских каблучков. Выпускающие пробегали в эфирную студию с отпечатанными на принтере монтажными листами, журналистки пробегали отдать кассеты с готовыми сюжетами. Уже трижды по коридору промчалась визажистка Яна с большой расческой, баллончиком лака для волос и пудреницей.

– Раз!.. Раз!.. Раз!.. Как слышно? – в эфирной студии «Новостей», за столом телеведущего сидел техник Костя. Парень держал перед собой маленький микрофон «петличку» и повторял одну и ту же ерунду, чтобы можно было настроить звук.

– Костя, поговори еще! – кричал ему звукооператор из своей каморки.

Костя улыбался, и продолжал бубнить околесицу. Операторы наводили на него камеры, и молодому технику это нравилось. Как и вся лихорадка перед эфиром.

– Стас, ну вы долго еще? Двенадцать минут до эфира! Дай хотя бы дикторскую «подводку»... – это выпускающий редактор Светка в очередной раз ворвалась в монтажную аппаратную все с тем же вопросом.

Что на телевидении стачивает нервы словно напильником, хуже всего остального вместе взятого – так это цейтнот. Какими бы классными были теленовости, если бы не проклятая спешка. Имей репортер лишние полчаса, чтобы придумать текст оригинальнее, или тщательнее подобрать кадры видеоряда. Какие отличные идеи приходят после эфира, когда ничего подправить уже нельзя! Вместе с досадой – ну что помешало вовремя додуматься до, казалось бы, простых вещей? Помешал страх, что ты не успеваешь, а еще нетерпеливый выпускающий редактор, который забегает в монтажную каждые пять минут с вопросом: «Ну, вы долго еще?!»

Последний час Андреев с лучшим на канале видеомонтажером Ксенией «колдовали» над сюжетом о Цветмете. Набросав текст с историей череды конфликтов, не утихавших вокруг завода, Андреев лихорадочно искал «синхроны» – комментарии людей прямо в камеру, которые он сам, еще будучи репортером, снимал во время забастовок и пикетов у заводской проходной летом 98-го года. Тогда рабочие много чего сгоряча наговорили про губернатора. На монтажном столе было свалено нагромождение видеокассет. На которой из них хранилась нужная архивная съемка, они представляли только приблизительно.

– Ксюша, ну ты помнишь ту тетку большую, в синем халате, которая у меня еще микрофон вырывала?! – спросил Андреев, не отводя глаз от мельтешащих на мониторе ускоренных кадров старых архивов.

– Все я помню, Станислав Дмитриевич, – прошипела Ксюха, всем своим видом показывая, что отвлекать ее – глупо и бессмысленно. То, что Ксюха, с которой они смонтировали не одну сотню сюжетов, вдруг принялась величать его по имени-отчеству, не сулило добра. Нервную Ксению в редакции побаивались. Она могла закатить истерику, которая кончилась бы откачиванием с валерьянкой, или начать швыряться всем подряд, что попадет под руку на монтажном столе. Чаще всего это оказывались видеокассеты.

Сейчас Ксюха удерживалась от того, чтобы не психануть, каким-то чудом. Во-первых, они теперь редко работали вместе с Андреевым над сюжетами, и она соскучилась по его дотошности, которую ставила в пример молодым корреспондентам. Во-вторых, она тоже помнила «синхрон» рассерженной работницы механического цеха. Тетка, стоя в пикете перед проходной завода, рассказывала, как месяцами задерживают зарплату и про «мерседесы» учредителей. Потом «приложила» и губернатора, который смотрит на это сквозь пальцы. Очень по-бабьи едко и по большому счету справедливо.

Тогда, в 98-м, руководство канала пропустило в эфир только первую часть гневной тирады – про зарплаты, директора и «мерседесы». Губернаторскую часть «синхрона» урезали, придравшись к тому, что в одном месте женщина выразилась нецензурно, а сюжет и так острый – это будет перебор. Истинную причину, почему урезали сюжет – в планы Даянова тогда не входило ссориться с «дедом» – понимали все. Но отговорка про дурной вкус и брань в эфире была отступным, позволяющим подчиниться цензуре, сохранив достоинство. Однако, гневный «синхрон», тогда на всякий случай, целиком записали в архив. Ему предстоял реванш.

– Ты иди, пиши подводку, и готовься к эфиру, – снова сквозь зубы пробормотала Ксения. – Я если найду – сама тетку влею. А если не найду – извини... Раньше надо было думать...

Стас уже писал на листе бумаге, кое-как пристроенном на коленке, дикторскую «подводку» – вступление о том, почему тайная передача госпакета акций означает новый виток войны вокруг завода. Она сомнительна с точки зрения законности. Аморальна, потому что повлечет за собой проблемы для коллектива завода. Это удар по бюджету области, который лишится налогов. Андреев не успел до конца выправить точные формулировки, когда в монтажку ворвалась красная от злости Светка и заорала на своего шеф-редактора:

– Пять минут до эфира! Какого хера ты еще здесь сидишь?!

– Если вы оба не пойдете сейчас на хер отсюда, я грохну все сюжеты! Чтоб сдохла вся эта богадельня... – не отрываясь от экрана монитора выругалась Ксюша с такой степенью тихой злости, что стало ясно – она близка к нервному срыву и приведет приговор в исполнение, если ее тотчас же не послушают.

Стас поспешил в студию. Из курилки пахло немислимо привлекательным сигаретным дымом.

– Две затяжки сделаю? – умоляюще посмотрел он на Светку.

– Осталось четыре минуты, – проворчала та. – Ладно, я пока расскажу тебе, что в выпуске. Первый сюжет – очень вкусный скандалчик про драку в самолете. Реальные пацаны побоище устроили на туристском чартере из Таиланда. В аэропорт вызывали ОМОН, это было вчера, у нас любительские съемки, home video...

– Откуда? – удивился Стас, возвращая сигарету оператору, после ровно двух затяжек, вкуса которых даже не почувствовал.

– Настя привезла со своих яхт. Потом расскажу. Твой сюжет я поставила в середину – успеешь в промежутках подводку дописать, а Ксюша видеоряд доклеет... В конце блок – по Ивану Купала...

Они договаривали уже на ходу в студии. Пока Стас повязывал галстук, и надевал «эфирный» пиджак. Усевшись на дикторское место за столом, он всматривался в небольшой темный экранчик телесуфлера, прикрепленный чуть ниже объектива камеры.

Почему-то всех телезрителей ужасно интересуется именно эта сугубо техническая деталь. Как диктор читает свои тексты? Телесуфлер для зрителей, как бы тайна, которую от них пытаются скрыть. Зрителя хлебом не корми, дай продемонстрировать телевизионщику знание тайны. Среди знакомых Стаса не было ни одного, кто бы не спросил: «А у тебя тоже есть эта бегущая строчка?» Но сейчас экранчик был подозрительно погасшим.

– Петрович! Не вижу суфлера, – крикнул Стас инженерам, собравшимся над полуразобраным компьютером, в тревожно большом количестве.

– Митрич, с суфлером проблемы, – сконфуженно признался Петрович.

– Света, они не могут суфлер запустить, – пробормотал Андреев в маленький микрофон «петличку», уже прикрепленный ему на лацкан пиджака.

Ведущий «Новостей» сам управляет суфлером, наступая на педаль под столом. Нажал на нее – строки на экране поползли вверх, отпустил – остановились, пауза. И короткие строчки по три-четыре слова (чтобы глаза у диктора не бегали подозрительно по сторонам) медленно ползут. Экран суфлера, располагается прямо под объективом камеры, и это создает иллюзию,

будто диктор смотрит прямо на зрителя. Ведущему действительно нет нужды знать содержание сюжета, достаточно с выражением прочитать те слова, которые выдаст электронный подсказчик. Но как назло суфлер не подавал признаков жизни.

Работая над скандальным сюжетом, Стас не успел просмотреть выпуск, он вообще не знал о чем идет речь в некоторых сюжетах других корреспондентов. И без суфлера мог перепутать все на свете.

– Сейчас попробуем компьютер перегрузить, – пообещал Петрович.

– Минута до эфира, и еще на минуту я могу задержать, – донесся голос с режиссерского пульта через динамики.

– Давай хоть с одной стороны причешу?.. – предложила визажистка Яна, стоя над Стасом с расческой и аэрозольным баллончиком лака.

– Не успеешь, – бросил Андреев, чувствуя, как у него перехватило горло и, кажется, дергается нервным тиком левый глаз. Такого прокола с ним еще никогда не бывало.

– Дай лоб напудрю, – наседала Яна. – Жарко сегодня, от осветительных ламп ты через пять минут взмокнешь, и поплывешь...

– Минутная готовность! – раздалась из динамиков команда Светки.

– Петрович, ну как там... – простонал Андреев.

– Прости, Митрич, но сегодня ты без суфлера. Это не программа дурит – это что-то с железом. Читай выпуск по бумажке.

Наверное, человек, в которого ударила молния, должен чувствовать себя примерно так же, как диктор у которого в прямом эфире отказал телесуфлер? Или чуть получше?.. Набор листов бумаги с текстами дикторских подводок в том порядке, в котором пойдут сюжеты, кладется ведущему на стол для подстраховки на случай именно таких сбоев.

– Пошла заставка! – уже скомандовала в наушнике Светка, и на мониторе в студии беззвучно начались знакомые наизусть кадры заставки «Новостей».

Стас успел переглотнуть слюну, убедившись, что горло его слушается, и говорить он может. Успел бросить взгляд на бумажки, убедившись, что сверху лежит именно первая страница выпуска. И приказал себе забыть, что любую его оговорку сейчас увидят примерно пятьдесят или сто тысяч горожан, а это то же самое, как если бы он в одиночку стоял в центре набитого публикой огромного футбольного стадиона. И как только вместо заставки на внутреннем мониторе Андреев увидел себя – он быстро поднял взгляд в объектив камеры и изо всех сил стараясь улыбнуться, произнес:

– Добрый вечер! В эфире «Новости-Орион»! В ближайшие полчаса мои коллеги и я – Станислав Андреев – познакомим вас с главными событиями, произошедшими сегодня в нашем городе...

3

На следующее утро Андреев раньше всех появился в пустой редакции «Новостей». Не терпелось залезть в Интернет и проверить – как отреагировала власть и журналистское сообщество на его сенсационный вчерашний сюжет про тайную продажу Цветмета?

Среди заголовков дня на сайте городских новостей сразу бросалось в глаза название телекомпании. Заголовок гласил: «Скандальный сюжет теленовостей «Орион» – авиакомпания замалчивает бандитскую разборку на борту по пути из Таиланда». На другом сайте красовалось сообщение под заголовком: «Схватка за небо: Пацаны Семеныча «крышуют» турбизнес». Там со ссылкой на вчерашний сюжет «Новостей-Орион» рассказывалось о том, что драки пьяных бандитов стали серьезной проблемой чартерных туристских рейсов на самых популярных маршрутах: в Таиланд, Турцию и Эмираты. Турфирмы замалчивают проблему, во-первых, чтобы не отпугивать добропорядочных туристов, во-вторых, потому что криминальные группировки являются их «крышей». И раз отсутствуют комментарии от фирмы «Горячий тур», по заказу которой и производился злосчастный рейс, значит, фирма платит дань крупнейшей криминальной группировке города, известного авторитета «Семеныча». Его боевики узнаваемы на кадрах, которые вчера были показаны в новостях «Орион».

«Яндекс» выдавал еще несколько ссылок на второстепенные сайты, и даже на московский «Газета.Ру», снизошедший до регионального скандала.

В любой другой день Стас гордился бы таким количеством откликов. Но сегодня он просто оторопел. На сюжет о тайной сделке с госпакетом акций завода ни одно сетевое СМИ не откликнулось. Чувствуя неприятный холодок под ложечкой, он достал сигарету из пачки и совсем уже собрался выйти закурить, когда понял, что должен, наконец, посмотреть сюжет, который вчера добыла новенькая Настя, из-за которого теперь столько шума.

Войдя в пустую монтажную, Андреев принялся включать аппаратуру. Ему всегда нравилось щелкать тумблерами, и наблюдать, как техника оживает, откликаясь характерными всплесками света на мониторах миганием разноцветных индикаторов и разгоняющимся гулом встроенных вентиляторов. Найдя нужную кассету, он вставил ее в магнитофон, и нажал кнопку «play».

На экране всех трех мониторов появилась Настя с микрофоном в тоненькой руке. Набрав в легкие побольше воздуха, Настя кивнула снимавшему ее оператору, и затараторила «стенд-ап»: «Факт драки на борту туристического чартерного рейса, в авиакомпании не подтверждают, и не опровергают. Однако в распоряжении «Новостей-«Орион» оказалось неопровержимое видеосвидетельство побоища на борту самолета, возвращавшегося из Таиланда».

Дальше следовали кадры потасовки, шум, неразборчиво – мечущиеся тела. Любительская съемка, снятая из-под полы при слабом освещении не давала четкой картинки, но передавала атмосферу тесноты салона, где сцепились несколько мясистых мужиков. На мгновение в кадр попала стюардесса, жмущаяся спиной к люку запасного выхода. Звук: женские визги, маты и шорох микрофона, задевающего за сиденье. «Home-video»: высвечена дата и мерцает сигнал, что аккумуляторы разряжены.

Дальше в сюжете начались кадры взлетающих и садящихся самолетов, взятые из архива – эта прошлогодняя съемка использовалась на каждом сюжете, связанном с авиацией. Затем Настя в очередном «стенд-апе», уже перед отделением милиции аэропорта, рассказала, что правоохранительные органы не комментирует происшествие, однако, в неофициальном разговоре без камеры один из сотрудников признал, что действительно было снято с самолета несколько буянивших пассажиров. А через пару часов их пришлось отпустить даже без составления протокола.

Дальше в сюжете шел так называемый «хрипун» – на фоне синей компьютерной картинке с телефонной трубкой голос диспетчера скорой помощи признавал, что был вызов в аэропорт, откуда привезли пациентов с травмами. Им была оказана первая помощь.

Вот и все, что было в сюжете. Можно, наверное, было сделать и покачественнее, но, учитывая, сколько оставалось времени на монтаж – недурно. Все же это не повод, чтобы сюжет про продажу завода остался незамеченным. Материал, который сделал Андреев, был сильный и тема очень скандальная. Стас был уверен в себе. Даже на фоне броского сюжета о драке в самолете, резонанс должен был проявиться. Что-то здесь не так.

В пустой редакции надрылся телефон. Все еще оставаясь в недоумении, Стас заторопился из монтажной к телефону, лавируя между столов. Подняв трубку, он узнал голос пресс-секретаря авиакомпании Вадима Жердева.

– Стас, объясни, пожалуйста, кто заказал вам нашу авиакомпанию? – ровным, чуть брюзгливым голосом начал выговаривать пресс-секретарь.

– Да, кому вы нужны, – пренебрежительно ответил Стас.

Пресс-служба авиакомпании слыла самой жлобской и бездарной среди пиар-отделов крупнейших предприятий региона. Их работа заключалась в том, чтобы раз в квартал разослать по редакциям электронные письма с пресс-релизами о десятках тысячах перевезенных пассажиров, или пригласить журналистов на пресс-конференцию авианачальства. На большее они не были способны.

– Но это же явный заказ! – продолжал занудно возмущаться Жердев.

– Ты хочешь сказать, что у вас не было драки на борту?! И ваши зашуганные стюардессы не прятались по углам? И менты не приезжали?..

– На этот счет у меня нет официальной информации, – поспешно откrestился пресс-секретарь.

– У тебя никогда нет официальной информации, – не без злорадства, посетовал Стас.

В случае нештатных ситуаций ребята из авиационной пресс-службы демонстрировали мгновенную реакцию панцирных моллюсков – прячась от журналистов за дежурной фразой «без комментариев». И, надо признать, это была самая верная тактика, чтобы подольше удержаться на своей незавидной работе, в запутанной иерархической системе отношений внутри бизнес-корпорации..

– Нет, все-таки, ты мне объясни, если это не заказ – почему сюжет такой однобокий? Почему ваш журналист не обратился в авиакомпанию? Почему не выслушали и нашу сторону? – продолжал настаивать Жердев.

От этого лицемерного трепа у Андреева начал закипать позыв, наговорить в ответ грубых слов. Но это было бы непрофессионально, и после Стас пожалел бы о таком срыве. К тому же родилась идея получше.

– А мы вам звонили, – солгал Андреев. – Просто съемка была уже после шести, и у вас рабочий день закончился. Если у тебя из-за сюжета неприятности, соедини меня с вашим президентом, я сам все ему объясню, что вы ни при чем, вас просто не было на рабочем месте...

– Президента тревожить незачем, – нотки неуверенности появились в голосе Вадика Жердева, он спохватился, что от непредсказуемых журналюг могут начаться звонки начальству. – Ты, кстати, там не записываешь наш разговор?.. – еще сильнее забеспокоился пресс-секретарь.

– Записываю, конечно, – соврал Стас, с искренним наслаждением и неподдельной уверенностью в голосе. – На случай судов и прочего дерьма.

– С вами невозможно работать, – с ноткой отчаяния взвизгнул Жердев.

– Как говорят в американских фильмах: «Встретимся в суде»! – пропел на прощание Стас в телефонную трубку, уже заткнувшуюся короткими гудками.

Победа в пустяшном телефонном споре взбудрила Андреева. Теперь он мог думать обо всем уже спокойнее. Так и не избавившись от грызущих сомнений, Стас вышел на крыльцо редакции с сигаретой и здоровался с журналистами, потихоньку тянувшимися на работу. Со стороны автобусной остановки показались героиня вчерашнего выпуска Настя и ее Игорь. Девчонка скакала вокруг него вприпрыжку, изредка повисая на шее. Высокая, чуть сутуловатая, с тонкими руками и короткой стрижкой. Ее молодой человек шел уверенным шагом, спокойно глядя перед собой, в руках у него было что-то вроде школьного портфеля. «Прямо идеальная пара. Можно залюбоваться», – подумал про себя Стас, и отвернулся.

– Привет, шеф! – выкрикнула Настя еще за три метра до крыльца. Хорошее настроение ее так и распирало, и девушка не собиралась этого скрывать. «Наверное, ночью здорово трахались», – почему-то с легкой досадой подумал Стас. Хотя это была не злая досада. А что-то типа философской грусти любящего отца, наблюдающего егозу-дочь, которая живет себе в радость. А папа хорош уже тем, что у него хватает ума не мешать.

– Привет! – Стас пожал руку Игорю. – Хороший был вчера сюжет, – признался он Насте, остановившейся рядом. – Из авиакомпании уже звонили. Жаловались, что ты их оклеветала.

– Они врут! – возмущенно округлила глаза Настя. – А что вы им сказали?

– Послал их, – ответил Стас. – Вежливо, конечно, послал...

– Какой же вы молодец! Я сейчас вас расцелую! – обрадовалась девушка. И тут же исполнила обещание, дав волю своему хорошему настроению.

– Я сегодня сюжет внимательно посмотрел. Отличный, конечно, материал. Как он к тебе попал? – поинтересовался Стас, польщенный такой горячей признательностью.

– Михаил Пантелеевич пригласил прокатиться на яхте. А когда он обмолвился про эту драку и про то, что шутки ради потихоньку снял ее на камеру – я уже не могла без этого уехать, – призналась Настя.

Михаил Пантелеевич был эксцентричный депутат областного законодательного собрания. Общительный крепыш, слегка за пятьдесят, он любил давать интервью длинноногим корреспонденткам. Летом он вывозил их на яхте, зимой – на снегоходах. Поговаривали, что некоторых Пантелеевич, якобы даже брал с собой на пару недель в Арабские Эмираты. Впрочем, слухи, описывающие спонсорскую щедрость политиков по отношению к любовницам, чаще всего преувеличены. Они раскошеляются только ради жен, когда одолевает перед ними чувство вины.

– Часа два пришлось его убалтывать отдать материал. Пообещала, что никто не узнает, кто нам дал съемку. Ну, скажите, Станислав Дмитриевич, что я молодец! – радулыбалась она, опершись локтями на перила крыльца.

Стас понял, что ему приятно вот так стоять рядом с этой девчонкой в черной футболке с портретом Че Гевары. Леворадикальная майка не доставала ей до пупа, проколотого серебристой бусиной. Джинсы по моде нынешнего лета шокирующе низко сидели на бедрах. И все равно было непонятно, за счет чего этой довольно нескладной девице, удастся быть такой привлекательной?

– Знаешь, что стоило сделать: сразу начать с драки, – посоветовал Андреев. – Чтобы зрителя шокировало, и захватило с первых же кадров, а уже после вклеить твой «стенд ап» перед аэропортом. Всегда начинай с главного. К тому же драку можно было еще раз повторить в конце. Чтобы зритель со второй попытки рассмотрел то, что сначала не понял.

Настя сразу посерьезнела, и кивала.

– Времени не было подумать, – пожаловалась она.

– Времени всегда будет мало. Думай в машине, пока возвращаешься в редакцию, – пожал плечами Андреев. – Все равно поздравляю тебя с удачей. Весь Интернет только об этом и говорит.

– Правда? Ой, как охота посмотреть! – взвилась Настя. И выбросив недокуренную сигарету, немедленно помчалась в редакцию.

Стас, наконец, для себя решил, что сюжет про продажу акций завода не мог попасть мимо цели. Возможно, он прошел мимо ушей массовой аудитории. Но Андреев не сомневался, что нужные люди уже обсуждают тему. Просто мало кто из VIP-персон смотрел вчера, летним вечером, новости в прямом эфире. Но тем лучше. Сейчас они перезваниваются, взялись за мобильники. Обсуждают, что «канал Марка Даянова выдал в эфир мочилово против «деда». Кого-то разыскивают помощники, чтобы сообщить важную новость. До кого-то дошли только слухи, и теперь они стараются выяснить подробности дела, жалея, что вчера не удосужились посмотреть «Новости».

Не дремали и информационно-аналитические службы администрации. Видеомагнитофоны там послушно шуршат, «мониторят» эфир. Клерки не упустят случай, показать начальству, что не зря едят свой «аналитический» хлеб. Видеозаписи вчерашних новостей уже легли на столы руководства. И, безусловно, сам губернатор уже оповещен. Причем, если «дед» лично не смотрел крамольный сюжет, а сообщила семья – это только хуже. Безответным «наезд» не останется.

А вчерашний выпуск «Новостей» получился сильным вопреки всему. Возможно, лучшим за все лето – вдруг признался себе Стас. Несмотря на то, что плохо подготовленный эфир он провел отвратительно. Андреев читал подводки по бумажке. Периодически запинаясь, и подолгу задерживая взгляд внизу. Может быть и не плохо, что он так заметно волновался, читая подводку? Ведь некоторые корявости в глазах зрителей простительнее, чем гладкое, монотонное равнодушие.

Теперь осталось только дожидаться, когда и как власти ударят по «Ориону» в ответ?

Но тревожный звонок поступил совсем не оттуда, откуда ждал неприятностей Андреев. Он обратил внимание на нехорошо застывшее лицо Светки, которая в очередной раз несла ему телефонную трубку. «Наезд, похоже, бандиты», – шепотом предупредила она, прикрыв трубку ладонью.

– Ты, что ли там главный? – спросил голос с характерными «пальцекрутными» интонациями, которые ни с чем не спутаешь, и которые никогда не сулят хорошего.

– Я шеф-редактор «Новостей» Станислав Андреев, – ответил Стас, внутренне сжимаясь. – А с кем я разговариваю?

– Тебе кто, в натуре, разрешение давал пацанов показывать? – начал голос на том конце трубки в привычной манере. – Теперь у вас всех, и у тебя лично – серьезные проблемы. Кто в самолете снимал?

– Это любительское видео, к нам попало со стороны.

– Я тебя не спрашиваю, какое там видео-хуидео. Кто сдал?

– Я не буду с вами об этом говорить. Если у вас претензии, у нас есть юридическая служба, разговаривайте с ними, – ответил Стас, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал спокойно. И как можно глубже загоняя внутрь подлюшный соблазн, просто сказать, что снимал депутат Попов, и пусть тот сам выкручивается. Возможностей, связей и денег у него для этого куда больше, чем у журналиста, которого в редакции защищает пара ветеранов-охранников на грошовой зарплате, а за дверями редакции не защищает никто.

– Когда с претензиями приедем – тебе поздно будет пить боржоми. Печень отвалится, – пообещал голос, и трубка отозвалась короткими гудками. Только в отличие от утренней перепалки с авиакомпанией, теперь уже Стасу, а не его собеседнику, впору было отдыхать. Почему-то захотелось избавиться от телефонной трубки, чтобы эта дрянь находилась подальше. Но прежде надо было подстраховаться.

Андреев набрал номер приемной президента «Орион-медиа».

– Марк на месте? – спросил Стас. – Дело срочное.

– У него сейчас люди, важный разговор, – отказала секретарша.

– У нас тут, похоже, намечается бандитский наезд. Надо, чтобы он был в курсе.

– Как только смогу вклиниться, сразу ему скажу. Обязательно, Стас, – пообещала секретарша. Эта новая блондинка была на удивление не глупой девушкой.

Андреев оглянулся на охранников, которые в каморке при входе как раз начали разогревать себе обед на маленькой плиточке.

– Что? Бандиты?.. – вздохнула Света. – Марк разведет. У него все схвачено на таком уровне, что никто не рискнет сунуться.

– Лучше скажи, как у нас с выпуском? – перебил Стас, окидывая глазами помещение редакции.

Его даже удивила непривычная картина дружной работы журналистов, энергично стучащих пальцами по клавиатурам компьютеров или деловито разговаривающих по телефону. «Новостийщики», словно решили доказать, что успех вчерашнего выпуска был не случаен.

Зато телефон задался целью не дать Андрееву покоя любой ценой – он снова зазвонил.

– Стас, ты должен знать, – немного смущаясь, предупреждал замредактора городской «Вечерки», явно прикрывая трубку ладонью, чтобы его слова были не слишком слышны вокруг. – Ты только не считай меня паникером...

Этот журналист имел несчастье жить в микрорайоне, слывшем бандитской вотчиной. И несколько минут назад просто вышел прогуляться с собакой. Жил он в своем доме давно, поэтому большинство местных «авторитетов» знал с детства. И вот эти его знакомые прямо сейчас грузятся в несколько крутых черных машин и, судя по тому, как они перекликаются, собрались ехать, разбираться с «Новостями-Орион». «Вечершник» не был уверен, но забеспокоился, и поторопился оповестить коллег.

А у президента телекомпании все еще продолжалась встреча, и трубку он не брал, как ни старалась помочь Андрееву секретарша.

Не то чтобы Стас сильно встревожился, но ему стало не по себе. Отвык. Уже давно, с середины 90-х никто не рисковал «наезжать» на канал. А еще возникла досада на глупость ситуации. Затеявая большую информационную войну и выпалив в эфир немислимую дерзость, «Новости» сработали вхолостую, никого не задев. Зато умудрились нарваться «на ровном месте» – из-за мелкого проходного сюжета!

– Что будем делать, Стас? – поинтересовалась Светка.

И судя по тому, как люди в редакции нарочито продолжали работать – никто даже не повернул головы – Андреев понял, что коллектив уже в курсе возникших проблем. Люди тревожатся, и прислушиваются – что он ответит?

– Может, на всякий случай двери забаррикадировать? – ехидно предложила Элечка. – Пока Марку Иосифовичу не до нас, он решает более важные проблемы, чем безопасность каких-то там журналистов?..

Главная красавица редакции, ведущая рубрики «Культура» за словом в карман не лезла, и при случае умела обдать таким потоком желчи, что коллеги старались держаться от нее подальше. Без ума от красавицы оставались только те, кто знал ее исключительно по экрану: чиновники администрации, приезжие дирижеры и баритоны. Эля вела вечерние «Новости», чередуясь со Стасом. Поэтому Андреев был вынужден терпеть и ценить злую Элечку, иначе пришлось бы самому, без передышки, ежедневно выходить в эфир.

– Может, мне лучше не ездить на свой сюжет, остаться в редакции, если заварушка намечается? – предложил Игорь – бой-френд Насти.

С первого дня работы в «Новостях» парень развесил на стенке коллекцию броских заголовков из интернета: «Котовского эксгумируют для опытов», «Подозреваемый в кладбищенском каннибализме задержан», «Прохожий спас младенца, которого топила пьяная старушка» и другие перлы «человеколюбивого» Рунета.

– Даже не думай! – возмутился Андреев. – Езжай, куда положено.

В сосредоточенной тишине Игорь собрал кассеты, подхватил штатив телекамеры, и вместе с оператором они отправились на съемку. На выходе из редакции Игорь украдкой послал Насте воздушный поцелуй.

– Нет никакого повода паниковать! Пока только непроверенные слухи, – объявил Андреев для всех. Но, похоже, не убедил. Чтобы не нагнетать тревожную атмосферу, Андреев вышел на крыльцо, прежде чем снова набрать Марка на мобильный. Телефон президента «Ориона» не отвечал.

Окна редакции «Новостей» были заделаны металлическими решетками. Заменить это уродство, традиционное в 90-х годах, на современные роль-ставни, не доходили руки. Поэтому оконные проемы в помещении редакции были неплохо защищены, и дверь оставалась единственным уязвимым местом. Если ее действительно забаррикадировать – можно отсидеться. Андреев немедленно отогнал эту дурацкую мысль.

Но в ту же секунду заверещал его мобильник. Это Игорь, захлебываясь от волнения, сообщал, что видит, как сейчас с проспекта целая кавалькада машин, набитых крепкими парнями, сворачивает в сторону редакции.

– Я сейчас же возвращаюсь!.. – пообещал парень.

– А смысл?.. – попытался возразить Андреев, но тот успел отключиться.

Сомнений не оставалось. Скоро разгневанные «пацаны» явятся сюда.

– Света! Садись на телефон, немедленно достань Марка, к нам гости едут! – распорядился Стас, заскочив в редакцию. – Остальные – начинайте двери баррикадировать. Они через две минуты будут! Столы, стеллажи, все, что есть! – это он крикнул уже опешившим охранникам.

– Это все из-за меня? – дрогнувшим голосом ахнула Настя.

– Глупости! – успела крикнуть девчонке Света, вооружившаяся сразу двумя телефонными трубками.

– А из-за кого же еще? – гневно подтвердила Элечка.

Отдавая внешне решительные команды, Стас не переставал испытывать растерянность. Прятаться, и запираться среди бела дня было неловко и комично. От этого надвигавшаяся опасность казалась не настоящей – каким-то театральным фарсом.

– Может, трансформатор к дверям подтащить? Он тяжелый, – предложил инженер Петрович. – Ты куда, Митрич?.. Не вздумай!

Андреев уже протискивался наружу через полузаваленные двери. Не переставая надеяться, что опасность преувеличена, он все равно предпочел бы не выходить один на переговоры с бандитами (вести которые совершенно не представлял как), но Стасу не оставил выбора Игорь. Ведь молодой журналист с минуты на минуту собирался вернуться, и вот на нем подонки запросто могут сорвать злость, которую накопят, без толку попинав забаррикадированные двери.

Но даже когда первый джип «Лексус» медленно вырулил во двор, Андреев ощутил еще не страх, а только удивление и досаду – как так получилось, что все опасения сбылись? Так не бывает... Тонированное окно черного «Лексуса» со стороны водителя было открыто до упора. Из кабины оглушительно гремело радио «шансон». Сидящий за рулем мордатый тип выставил на обозрение мясистые голые плечи – из-за жары вызов братвы застал его, наверное, где-то на пляже. Бандит вертел головой, высматривая вывеску телекомпании. Сколько еще «пацанов» сидело с ним в машине, было не важно. Потому что следом вывернул еще черный джип, затем следующий, дальше еще – целая кавалькада – все как предупреждал Игорь.

Вот теперь Андрееву стало очень не по себе. И то, что он стоит один на ступеньках перед дверью в редакцию, показалось идиотизмом. Мысленно Стас обругал последними словами неопытного стажера, вынудившего его пойти на эту глупость.

– Ты что, совсем дурак! – простонала Светка, у него за спиной через зарешеченное окно.

– Тащите камеры к окнам. Снимайте через окно, – командовал Андреев, – Если что, вечером в эфир выдадим...

– Если что?!.. – Светка чуть не плакала. – Я до Марка дозвонилась! Он тоже велит не паниковать, легко ему там спокойным быть. Ну что же нам делать, Стасик?! – запричитала она.

Бандитские авто медленно проезжали мимо Стаса, стоявшего перед крыльцом. Журналисты смотрели на бандитов, сквозь зарешеченные окна редакции. Молодые бойцы местной ОПГ тоже с нагловатым любопытством разглядывали телевизионщиков через затемненные стекла своих иномарок. Кавалькада не останавливалась, а на малой скорости кружила вокруг дома, словно дорогой эскорт или стая волков.

У Стаса заверещал мобильник.

– Что там у вас? – коротко спросил Марк.

– Приехали уже. Кружат на машинах вокруг редакции, – сквозь зубы пробормотал Андреев, не в силах отвести глаз от меняющихся машин.

– Вот уроды! – удивился Даянов. – Ну-ка снимайте быстро это все. Вы не паникуйте там. Продержитесь несколько минут. Я уже позвонил кому надо!

Андреев не стал отвечать, а просто сложил телефон в карман. Потому что головная машина, описав «круг почета» вокруг дома, вернулась, и остановилась напротив него. Стас вдохнул побольше воздуха, как машинально всегда делал перед началом прямого эфира, в надежде придать себе уверенности. Он успел заметить маленький красный огонек в глубине редакции – значит, оттуда его снимает телекамера. И если дело пойдет по совсем плохому сценарию – он может сказать бандитам, что все заснято, и даром не пройдет.

Однако, как только здоровяк в шортах, вылез из своей машины – его тут же окликнули из соседнего джипа. В пляжный шлепанцах, он сделал несколько шаркающих шагов к своей братве, вальяжным видом давая понять, что до Андреева руки дойдут, когда положено и никуда он отсюда не денется. Из джипа в окошко подали мобильник. Здоровяк в шортах коротко выслушал, что ему сказали по телефону.

– В натуре, порожняк какой-то! – недоуменно скривился он, возвращая мобилу обратно в окошко джипа.

Как ни в чем, не бывало, все той же «авторитетной» походкой вразвалочку здоровяк вернулся в свою машину, хлопнул дверцей и медленно отъехал прочь. Вслед за ним потянулась и вся кавалькада, как будто просто заехали не в тот двор.

Не успела скрыться из глаз последняя машина, как дверь редакции распахнулась, и к Стасу ринулись «новостийщики», прорываясь через собственную баррикаду. И каждый пытался стиснуть шеф-редактора в объятиях, словно тот заново родился.

Только сейчас Андреев почувствовал, как насквозь взмок от страха. Унимая слабость в коленках, Стас вытряхнул из пачки сигарету, отстраняясь от коллег, чтобы прислониться спиной к перилам крыльца.

В этот момент во двор буквально ворвалась редакционная «девятка», а следом – милицкий патруль ГИБДД. Еще на ходу распахнув дверь, из машины пулей вылетел опоздавший Игорь.

– Водитель Коля развернулся через двойную сплошную. Нас ГИБДДшники сразу тормознули. Пришлось им объяснять. Зато привел их с собой на помощь, – виноватым тоном молодой человек оправдывался перед Андреевым, но при этом отчаянно вертел головой по сторонам. – Настя, ты в порядке?..

А с другой стороны двора уже показался «Мерседес» президента «Ориона».

– Нагнали на вас страху?! Никого не побили? – поинтересовался Марк, выйдя из машины и закуривая рядом со Стасом. – Жаль! А то бы все один к одному: телекомпания разоблачает губернатора – на следующий день борцы за правду уже зверски избиты! Шучу, конечно. Слава богу...

– Они вдруг сами уехали, – с недоумением сообщил Стас.

– Я просто позвонил Роману Семеновичу Толмачеву. Очень разумный человек. Считает, что его пацаны сами виноваты. Не надо было столько пить в самолете. Так что работай спокойно, – Даянов покровительственно похлопал Стаса по плечу. – Как вообще реакция на вчерашний выпуск?..

Для Стаса известие, что Марк запросто общается с Семенычем – главным криминальным авторитетом города, оказалось полной неожиданностью. Переваривая это открытие, Андреев рассказывал, что не наблюдает явной ответной реакции на вчерашний сюжет с компроматом на губернатора. Хотя он и уверен, что сюжет попал в цель, и реакция будет.

– Значит, убедились: какую бы крутую информацию мы ни выпаливали в «Новостях» – это не эффективно, – подвел итог Даянов, почему-то в прекрасном настроении. – «Ориону» действительно нужна программа, чтобы была в десятку. Чтобы всем было ясно – мы «мочим» власть. Чтобы включали телевизор специально посмотреть – как мы их сегодня уделаем! Чтобы от любопытства сгорали!

Стас только пожал плечами – сколько лет он твердит о том же. Раньше Марк пропускал любые аргументы мимо ушей. Но сейчас взгляды президента «Ориона» изменились, как по волшебству.

– Я тут провел одни важные переговоры. И нашел кое-какие деньги на большую программу! Вот и займись, – напутствовал Марк. – Напиши на выходных концепцию программы. А я уже завтра начну искать помещение под новую студию.

– Марк, сколько у нас времени на раскрутку? – спросил Стас, не решаясь поверить, что президент, вот так буднично дает добро на то, что столько лет казалось несбыточной мечтой.

– Времени на раскачку нет. Выходим в эфир с 1 сентября – не позже! С началом телевизионного сезона.

– Это невозможно, – прошептал Стас.

Он предчувствовал – что-то должно было в последний момент рухнуть. Нереально сделать за месяц программу, на разработку которой требуется не менее полугода.

– Думай лучше о том, что первый раз у тебя неограниченное финансирование и достойная задача – собрать аудиторию, которой еще не было ни у одного регионального канала, – внезапно разозлился Даянов. – Ставь себе выше планку! Полтора часа лучшего воскресного прайм-тайма! Об этом все мечтают! Ну а пока, раз вы хоть что-то сняли смело делай сюжет, про бандитский наезд на свободу слова.

– Марк, но это же не правда, – возразил Стас.

– А кто тебя заставляет неправду говорить? Ни в коем случае! – лукаво ухмыльнулся президент «Ориона». – Но смотри. Вчера мы наехали на губернатора – так? На следующий день под окнами «Ориона» случилась бандитская карусель? Чистая правда! Мы никого, боже упаси, не обвиняем. Но факты – вещь упрямая... Дай только голые факты – это будет честно. И задайся вопросом – что это было? Вопрос-то мы можем задать?..

Не прощаясь, Даянов плюхнулся в «Мерседес» и уехал. А Стас с ходу не нашел сил и доводов, которые мог бы противопоставить президентской логике.

4

Смотреть помещение для студии новой программы вызвали жутко не вовремя. Андрееву надо было решать проблему с операторами. Он не успел нормально завершить тяжелый разговор на самую болезную тему. Низкой зарплатой были недовольны все и уже давно. Последнее, десятипроцентное повышение окладов, случилось два года назад, и вспоминалось уже как поросшая быльем легенда. Цены с тех пор ушли далеко вперед, а о какой-либо прибавке или индексации Марк Даянов как-то не заикался. Но возможность поговорить с самим президентом у рядовых сотрудников возникала не часто (а многие еще и робели перед его крутым нравом). Поэтому накопившееся недовольство людей доставалось Стасу.

Пока сотрудники жаловались по отдельности, их проще было уговорить потерпеть еще. То, что операторы собрались все четверо хорошего не сулило. Они не просто высказывали недовольство, а выставили логичные и конкретные требования. Снимая такое же количество сюжетов, что и журналисты, операторы получали только «голые» оклады. Они хотели, как у журналистов, еще и гонорарный фонд, из которого каждый получал бы свою прибавку, в зависимости от выработки и от качества съемки.

Хуже всего, что Стасу нечего было им ответить. Финансовые вопросы лежали вне его компетенции. Единственное, что он мог – это снова и снова просить Марка прибавить людям денег, наталкиваясь на уверенные рассуждения президента о низкой рентабельности канала и его же убедительные цифровые выкладки о падении рекламных сборов, не оставлявшие особой надежды.

Двое лучших операторов дали понять, что готовы уйти в любой момент, если проблема зарплаты так и повиснет в воздухе. Их тут же возьмут на ГТРК. Возможности тянуть время, у Стаса больше не оставалось. А главное – в душе он был согласен с требованиями операторов. О чем и сказал. Впрочем, чтобы продемонстрировать, что он так говорит ради справедливости, а не под их нажимом, Андреев напомнил, что журналисты, в отличие от операторов, еще пишут тексты сюжетов, потом работают на монтаже и уходят со студии уже поздно вечером, в то время как оператор, отсняв все, что положено, свободен.

Андреев пообещал снова поговорить с шефом насчет денег. Но тут, как назло, его срочно вызвали. И полуторачасовой разговор пришлось сворачивать на полуслове, как если бы он пытался увильнуть от тяжелой темы, отделавшись очередными неопределенными обещаниями. Все разошлись недовольные друг другом.

Беспокоясь за выпуск (в который опять было нечего ставить), и понимая, что теперь уже точно не успеет пообедать, Андреев ехал через весь город, и все сильнее злился на безумную идею, которая пришла в голову Марка Иосифовича Даянова насчет помещения под новую суперстудию. Впрочем, идея оказалась настолько неожиданной и дикой, что имела шальную возможность сбыться. Забрав одно за другим все приспособленные для больших съемок помещения телецентра и все более-менее приспособленные для телетрансляций площадки города, Марк предложил построить студию с нуля в давно не эксплуатировавшемся здании Дома культуры радиозавода, располагавшегося на окраине города.

В эпоху позднего застоя властями города планировалось, что ДК радиозавода станет главным очагом соцкультбыта передового рабочего микрорайона. Но судьба распорядилась иначе. Еще в конце восьмидесятых массовая застройка окраин застопорилась. Бывший передовой рабочий район, ударными темпами превращался в гетто. Отличавшееся от американского Гарлема тем, что стремительно «поднявшиеся» местные криминальные авторитеты патриотично строили свои коттеджи за высокими кирпичными стенами здесь же – неподалеку от прежних родных девятиэтажек – в чистом поле, продуваемом свежими ветрами.

Злосчастный ДК, словно в издевку, носивший пафосное название «Энергия», принялся ветшать, так и не будучи введен в эксплуатацию на полную проектную мощность. Пристройки и небольшие помещения бывшего дворца активно сдавались в аренду. Здесь процветали залы игровых автоматов, оптовый склад джинсовой одежды и прочая шушера из разряда мелкого бизнеса. А по субботам все свободные площади занимала огромная барахолка видео-аудио дисков. Одного взгляда на эту выставку достижений пиратского искусства хватило бы, чтобы довести до нервного срыва представителей «Universal» или «Miramax», ибо на ступенях ДК плескался настоящий океан контрафактной продукции.

Но сегодня была пятница. И в холле ДК «Энергия» было пусто и гулко. Вторым этажом помещение опоясывал балкон, массивная лестница вела наверх, к двум запертым широким дверям в большой зал. Стас обходил круглый холл с высоченным потолком, не прекращая злиться про себя – что он здесь способен оценить? Ему бы заниматься своим непосредственным делом – верстать выпуск.

Марк, как водится, опаздывал.

– А почему обязательно в холле, а не в самом зале? – спросил Стас.

– Там потолок в аварийном состоянии, – ответил ему главный режиссер телеканала, Борис Панкрашкин. – Никто не разрешит там шоу проводить. С одними пожарными пару месяцев даром потеряем на согласованиях. А потом останется законный повод в любой момент закрыть ваше шоу, после первого же наезда на власти. Ты вообще представляешь себе, за каким лешим Марк затевает войну с губернатором?..

Стас в ответ только пожал плечами. Он недолюбливал главного режиссера. Борису Панкрашину было слегка за пятьдесят, он обладал импозантной внешностью и приятным баритоном. Из Бориса получился бы грамотный и ответственный завхоз. А вот с идеями у этого художника-неудачника было слабовато. Его основным талантом была солидность манер при обсуждении собственного гонорара да еще умение использовать в работе недорогие материалы. Марк, тем не менее, платил этой бездари приличную зарплату, и прислушивался к его баритональным заклинаниям.

– Неплохое помещение, – одобрительно изрек Борис Панкрашкин. – На балконе расставим осветительные приборы и камеры. Задник покрасим в ярко синий цвет – самый телегеничный. Зрителей рассадим амфитеатром, как в цирке вокруг арены. Я договорился, нам недорого продадут пластиковые кресла, оставшиеся после реконструкции стадиона. Сделаем небольшие трибуны для зрителей. Ряды в три? Как думаешь?

– Сколько сюда зрителей войдет? – спросил Стас.

– А сколько нужно? Человек сто войдет свободно, но тебе это надо? Представляешь, сколько мороки с таким количеством людей? Ты думал, как их подбирать? Просто дашь объявление – одни психи придут, ты с ними замаешься, они любую передачу сорвут, – рассуждал Панкрашкин, деловито обходя фойе кругом.

О подборе аудитории Стас действительно не задумывался. За все годы на местном телевидении, он всегда вел «Новости», сидя один в привычной маленькой студии и ему никогда не приходилось работать с живым залом. Он представил себе такую кучу народа, и понял, что действительно не знает, как с ними управляться. Стасу даже стало стыдно. Только что он горделиво злился на Панкрашкина за отсутствие сильных идей, а вот сам не может ему ответить на элементарный вопрос – сколько человек должно сидеть в зале?

– Не знаю, Боря, – признался он. – Думаю, аудитория должна быть разделена на две части. Эксперты и участники программы – это все люди известные и привыкшие говорить под камеру. И «галерка». Реальные люди «с улицы». Это важно, чтобы появился элемент непредсказуемости. Можно сейчас с запасом сделать? Мест на 100?..

– С запасом сделать можно, но пустые места в зале будут плохо смотреться, – проворчал главный режиссер, почуяв свое преимущество. – Ты почетче определись. Марку же все вынь

да положь, уже завтра. Хочет через месяц студию «под ключ», – и Панкрашкин начал что-то энергично отмерять рулеткой. – Материалов понадобится: фанера, брус, пластиковые кресла, металл, скажем уголок – сорок на сорок...

Стас присел на ступеньку лестницы, досадуя на самого себя. Выходило, что даже бездарный Панкрашкин буквально фонтанирует идеями, по сравнению с ним. Андреев уже несколько недель без толку думал над концепцией программы – ничего путного не рождалось. И на вчерашнем совещании у Даянова сам он смог предложить только одну мысль.

– Соединить воскресное политическое шоу с дискотеккой...

На этих его странных словах все в кабинете засмеялись. И только Марк не посчитал их неумной шуткой.

– Подробнее можешь? – заинтересовался Даянов. Наверное, президент «Ориона» точнее всех присутствующих ухватил мысль, неудачно сформулированную Стасом. Марк не хуже Андреева знал, что информационный жанр на телевидении всегда обречен проигрывать развлекательному. И по-настоящему массовую аудиторию способно собрать только красочное развлекательное шоу.

Что же касается информационных программ – они всегда проигрывают сериалам, юмористам, телеиграм и художественному кино. Там рейтинг иногда достигает 15% (если очень популярное кино или сериал). А теленовости изредка подпрыгивают до 10%. Но средние показатели даже лучших аналитических программ, таких как «Намедни» Леонида Парфенова, не превышают 6% рейтинга. Местные же новости смотрят еще меньше – их рейтинг в лучшем случае 3-5%. То есть в этот момент на городской канал настроен в лучшем случае каждый 20-й телевизор в городе.

– Значит, говоришь, смесь бульдога с носорогом?! Информация и развлекаловка... Никто, говоришь, раньше так не делал... – протянул Даянов. – Ну, а детали? Как это должно практически выглядеть? У тебя мысли есть?

Но никаких практических решений для воплощения своей смутной идеи Стас представить не смог. Поэтому Даянов поморщился, давая понять, что время уходит, а проект буксует.

– Это все фокусы, – недовольно бросил он. – Ты мне поясни другое – почему эта программа станет информационной дубиной? И как мы этой дубиной сможем кое-кого – ты знаешь – прикладывать по «кумполу» каждое воскресенье? Нам ведь это главное!

– А разве интерес зрителей нам не важен? – возмутился Стас. – Мы все это затеваем только ради войны?.. А когда повоюем, закроем проект, что ли?

– Дорогой мой, Стас! – хлопнул его по плечу Марк. – Только не забывай одну вещь. Знаешь, какое зрелище людей завораживает по-настоящему? Бои гладиаторов! Так всегда было со времен Древнего Рима и сейчас, поверь, человеческая натура не изменилась. Вот если зритель когда-нибудь увидит в нашем шоу настоящий бой: победа или смерть, когда он кровь учует, страх на лицах заметит – тогда они еще и утренний повтор посмотрят, как замороженные...

Да, этот круглый зал в заброшенном ДК, как настоящая арена, отлично подходил для гладиаторских боев. Ничего особо выдумывать не надо – классический круг под жарким электрическим солнцем. Человечество не придумало более подходящей площадки для сражений один на один.

Но пока в помещении будущей студии только Борис Панкрашкин измерял рулеткой расстояние от входа до противоположной стены. Он старался не ошибиться, и сгибался в три погибели, отставив немолодую задницу. Такое положение главному режиссеру было явно не по душе.

Глядя на его потуги, Андрееву вдруг стало тоскливо и страшно. Потому что было ясно – уж Панкрашкин-то уложится в срок. Как попало, но сделает студию на скорую руку. И как же получилось, что сам Стас, столько лет ждавший большой программы, оказался совершенно не готов, как только у мечты появился шанс сбыться? Отсчет времени до первого эфира неумо-

лимо тикает, а идей в пустой, как барабан голове не прибавляется нисколько. От отчаяния ему захотелось во всю глотку заорать в этом пустом зале. Лишь бы избавиться от чувства, что выпросил у судьбы кусок, больше, чем может проглотить.

– Ты что-то сказал? – обернулся Панкрашкин.

Стас отрицательно покачал головой. И постарался мысленно представить, как маленький телеведущий в центре арены под яркими лампами жалит вопросами закованного в латы сановной спеси губернатора. Броненосцу тоже жарко под лампами и камерами. И будет давить его броня – темный пиджак, воротник накрахмаленной белой рубашки и дорогой галстук, подпирающий горло узлом. И тяжеловес будет копить злость и сдерживать бешенство, подбирая слова для корректно звучащих, но ничего не значащих ответов, выдавая себя только медленно багровеющим цветом мясистого лица и бисеринками пота, выступающими у корней волос...

В идеале зритель должен, выключая телевизор, признать, что он только что смотрел корриду. Но это все мечты. Губернатора сюда не удастся заманить так просто. Первое время придется сражаться с хищниками меньших весовых категорий. Но сначала надо просто суметь выйти на эту арену и при этом быстро ориентироваться, и остроумно отвечать. Перед сотней уставившихся на тебя людей, под жаром двухкиловаттных ламп... Так даже то, что заучено наизусть, мгновенно вылетит из головы. Неужели придется признать, что он – Стас Андреев – не годится для всего этого?

И куда тут втиснуть музыку, идея насчет которой первоначально казалась такой естественной? И легкие развлечения?

«Ладно. Давай сначала решать чисто практические вопросы, – мысленно приказал себе Стас, облизывая пересохшие губы. – Откуда появляется ведущий?»

Заходить просто с улицы, наверное, можно, но там пойдут зрители и участники. Это не то. Спускаться сверху по лестнице, наверное, было бы эффектно. Он решил взять этот вариант на заметку. Вообще, в гладиаторском Колизее, хищники появлялись снизу из мрачных подвалов.

– Боря! – крикнул Стас режиссеру. – Тут есть подвальные помещения? Из них можно попасть в холл?

– Не знаю, – буркнул недовольный Панкрашкин, приглаживая волосы, перехваченные на затылке в длинный хвост. – Кто б нам ключи дал тут все осматривать?!..

Тем не менее, Стас решил осмотреться. Поднялся по лестнице, потом посмотрел сверху вниз на холл. Сверху весь этот круг, в будущем окруженный секторами передвижных трибун, будет казаться меньше. И люди, сидящие на разноцветных красных и синих пластиковых стульях, отсюда будут казаться меньше. И должности их издалека будут не видны. И кто есть кто – будет сначала теряться под ярким освещением. Ведущий просто будет спускаться к людям.

Похоже, заходить лучше отсюда. Только в одном он был твердо уверен: ведущий должен идти в холл долго или хотя бы какое-то время. Пока звучит музыка, задающая тон. Как увертюра в опере.

Даянов позвонил, чтобы поставить в известность, что не приедет. Связь была прерывистой – оказалось, Марк звонит вообще из соседнего региона! Очевидно, сегодняшний рабочий график президента «Ориона» поменялся стремительно и под влиянием новых важных обстоятельств.

– Я на здешнем ГТРК договорился насчет ПТСки! – кричал в трубку Марк, но так как связь была плохая, его было слышно еле-еле.

Марк был в восторге. Передвижная телевизионная станция ПТС в городе была только одна, у филиала государственной телекомпании. Но со своим ГТРК связываться не хотелось. У областной власти хватало рычагов давления на местное гостелевидение, пусть даже и подчинявшееся напрямую федеральному ВГТРК. А без ПТСки вести трансляцию из отдаленного ДК «Энергия» было невозможно.

– Они готовы давать нам ПТС в аренду! На сутки. В воскресенье утром будут приезжать и разворачиваться, а после эфира сворачиваться и ночью ехать домой!..

Так Марк решил ключевую техническую проблему. И судя по его интонациям – решил не дорого.

– Ну, вот и ладушки, – сказал Панкрашкин, сворачивая рулетку.

Устраиваясь на заднем сиденье редакционной «Волги», Стас еще раз оглянулся на неудачливый Дом Культуры, который даже не подозревал, какая жизнь забурилит вокруг него уже к сентябрю.

И Андрееву опять стало не по себе. Он представил, сколько сил и денег будет вложено в ремонт помещения. Как у главного входа каждое воскресенье будет стоять автобус ПТС нашпигованный телеаппаратурой, пригнанный за триста км по ночному шоссе. От него в двери ДК потянутся толстые шланги электрических кабелей. И как все эти усилия будут сходиться на одном маленьком ведущем, высвеченном лампами в центре арены. И в этот момент Стас как-то легко понял и признал очевидное – один он здесь не справится. Может не совладать с нервами, и все запороть.

Просто ведущих должно быть несколько! Может трое, как было когда-то в программе «Взгляд» – популярной в эпоху «перестройки». Или в «Топ-гире»?.. Чтобы они подкалывали друг друга, могли прийти на выручку, когда один растеряется, отпасовать репликой. Или наоборот, если «клиент» увилывает, отделяясь ничего не значащими фразами – добивать его вопросами с разных сторон, как хищная стая.

И все встало на свои места. Стас даже представил себе начало. Когда троица ведущих в какой-нибудь гримерке хлопают друг друга по плечу, и желают «ни пуха», словно три товарища, собравшиеся биться насмерть, прикрывая отступающий взвод. А потом они идут в холл по какому-нибудь коридору. И основная мелодия передачи накручивает ее эмоциональную пружину, нарастая с каждым шагом. Это должно понравиться зрителю. И, кстати, это можно снять немного заранее, и давать в записи, экономя для других целей несколько драгоценных минут, перед самым эфиром. Зритель не заметит подлога.

И дальше в голове все начало быстро складываться один к одному. Вдруг стало очевидно, что внизу, непосредственно на самой арене, должны работать двое ведущих. Молодые, энергичные, агрессивные и разнополюе. А сам он вообще не должен спускаться вниз. Он останется на балконе, и будет сверху комментировать ход программы, для него там надо оборудовать специальную кабину. Он будет представлять отдельные сюжеты и включаться в перепалку, когда это потребуется. «Умным» комментатором «над схваткой» должен быть только он сам. Это его роль.

А еще Андреев увидел завершение программы. Гаснет свет. Опустевший зал. Пара перевернутых стульев. Музыка на заднем фоне доигрывает усталыми гитарными риффами какого-нибудь блюза. И усталые ведущие сходятся в центре вполне адекватно освещенного круга, тут же по горячим следам обсуждая: получилось сегодня или нет. Три минуты искренности и откровенности, такой короткий эпилог.

Только бы попасть в точку с ведущими. И женщина обязательно должна быть украшением этого шоу. Тогда начнут смотреть. Только где в городе найдешь свою Светлану Сорокину?.. Пока все это слишком расплывчато и ненадежно.

– Митрич, очнись, приехали, – потерял его за плечо Борис Панкрашкин. – Тебе в редакцию, выпуск через полчаса. А я домой поеду, завтра с утра к шефу на доклад...

Вечерний выпуск «Новостей» прошел – хуже некуда. Еще и с браком – по ошибке дважды показали один и тот же сюжет. А это значило, что в понедельник с утра Марк устроит разборки, и потребует оштрафовать виновных. Хотя куда уже дальше штрафовать людей, которые и так получают мизер?.. Выпить захотелось так, что Андреев после выпуска первым улизнул из

редакции. Ни с кем не попрощавшись и даже не смыв пудру, которой в этот раз успела щедро обработать его лицо перед эфиром визажистка Яна.

Ближайшим заведением оказался спортивный телебар. Плазменные экраны, непрерывно транслировали несколько спортивных каналов. Посетители были поголовно футбольными болельщиками. Значит, здешнюю публику не волнуют местные «Новости», и тут Стасу проще тихо посидеть, никем не узнанным.

– А-а, продажная пресса! Тоже нарушаем спортивный режим! – Стас вздрогнул, и едва не поперхнулся коньяком, не ожидая, что его и тут могут хлопнуть по плечу. – Привет, дорогой! Как я рад тебя видеть! Сижу, думаю или не ты. Что это у тебя с лицом? Ты пудришься, что ли?.. – расхохотался подвыпивший одноклассник Максим Кравченко. Он обрушился на Андреева с объятиями и шуточками, которые обожают старые школьные приятели.

Стас зло чертыхнулся, и принялся кое-как стирать носовым платком забытый на лице грим. И так настроение хуже некуда, а тут некстати еще и одноклассник. Ведь если не начать ему немедленно дружелюбно улыбаться – Макс решит, что Андреев корчит из себя звезду, и зазнался. А не то, что улыбаться, даже говорить ни с кем Стасу ужасно не хотелось.

– Официант! Еще коньяку мне и телезвезде! – мотнул головой Макс. Судя по типично бизнесменскому животику, оттопыривавшему футболку с буквами RONALDO на спине, и толстенной золотой цепи вокруг шеи, дела у одноклассника шли неплохо. – Что грустный сидишь? – спросил Макс, нисколько не смутившись. – Давай, за встречу?..

И проглотив порцию долгожданного алкоголя, Андреев вдруг принялся выкладывать невесть откуда взявшегося однокласснику все, что наболело. Про программу, которая должна быть бомбой, но никак не желает сложиться. Про то, что если людям не платить коллектив разбежится, а убедить начальство платить нормально у него не получается. Но главное первый эфир уже скоро, а сенсационной темы нет. И ни намек – где ее взять.

– Да, брателло, крепко тебя торкнуло, – посочувствовал Макс, подливая коньяку из толстенной бутылки. – Но бывает и хуже. Например, если бы ты должен был кому-нибудь восемьдесят тонн баксов, и тебя прессовали, квартиру отбирали – это были бы проблемы. А так – говно вопрос! Ты же профессионал в своем деле.

И они церемонно чокнулись бокалами коньяку, который поднимал настроение надежно и умело.

– Вот у меня на прошлой неделе возникла тема, так тема, – доверительно, вполголоса, собрался поделиться одноклассник. – Я ведь строительными материалами занимаюсь. Тоже геммороев много – сплошное кидалово... Вот прикинь, поставил одним деятелям отделочных материалов и прочего добра миллиона на три, строить коттедж навороченный. И все мне говорили – это такие солидные люди! Я поверил, предоплаты не взял. И зависли у меня эти три «лимона»! Только и слышу – через неделю заплатим... Я попытался права качать – знаешь, что сказали?.. Это стройка сына губернатора. Будешь выступать – сразу налоговую к тебе пришлем. Прикинь?..

– А что за коттедж такой, если одни отделочные материалы на три миллиона тянут? – Стас мгновенно отреагировал на словосочетание «сын губернатора», интересуясь, как бы, между прочим.

– Это только малая часть! Там домик, какой надо, – обнадежил Макс. – В Москве на Рублевском шоссе он, может, никого не удивит, а у нас в области таких еще не было. Это я тебе точно говорю! Причем они его в природоохранной зоне строят, вплотную к водохранилищу. Наверное, чтобы свой частный пляж был. Втихую строят, никто не знает. Шито-крыто, – и одноклассник весело хохотнул, от избытка чувств обнимая Стаса за плечи.

– И где эта стройка идет?..

– Я на будущее зарекаюсь с сынками наших руководителей дела иметь!.. – развеселился подобревший Макс, даже не подозревая, до какой степени уже заинтересовал Стаса.

С первых же слов Андреев понял, что информация, которая только что свалилась на него по пьяной лавочке – настоящая бомба. Причем бомба, от которой лучше держаться подальше. Чтобы она не рванула прямо в руках того, кто сунется полюбопытствовать. Но холодок опасности, которым веяло от этой случайной информации, манил, и завораживал.

5

Сын губернатора Олег Анатольевич Захаров всегда был для областных журналистов неприкосновенной «священной коровой». Хотя смутные нехорошие слухи об этом молодом человеке ходили давно. Поговаривали, будто еще сопляком, этот юноша, в компании с сынками других местных бонз, по пьянке участвовал то ли в изнасиловании, то ли в попытке изнасилования. Однако эта старая и грязная история была похоронена влиятельными родителями слишком глубоко, чтобы кто-нибудь из журналигов поотчаяннее взялся ее копать.

Сейчас на слуху была другая и уже вполне реальная история – год назад 24-летний Олег Захаров стал вице-президентом областного банка «Честный». Эта информация официально прошла в нескольких деловых сводках. На нее обратили внимание, но шуму СМИ все равно не поднимали. Потому что банк «Честный» в разговорах между собой, было принято называть «детским банком». Захаров-младший был не единственным отпрыском влиятельных персон, пристроенных в этой финансовой синекуре, что все уже давно воспринимали, как должное. Однако сразу до поста вице-президента прежде никому из молодых людей подпрыгнуть не удавалось.

Андреев понимал, что «наехать» на губернаторского сына не просто потрясение устоев, но личное оскорбление губернатору. Поговаривали, будто своего позднего, единственного ребенка губернатор любил самозабвенно. Но именно то, что никто, никогда не решался в эфире ударить губернатора по самому больному месту, гарантировало бешеное внимание к премьерному выпуску нового шоу. Уже его первые минуты станут революцией в местном телеэфире. Если только не окажется последними для всего канала «Орион».

Поэтому Андреев не представлял себе – зачем он идет в редакцию субботним утром, когда голова раскалывается после коньяку, который пили вчера с одноклассником до двух часов ночи. Андреев знал, что сюжет про сына губернатора делать нельзя. Это плохо со всех сторон. И не только из-за гнева губернатора и бед, которые могут обрушиться на телеканал. А просто потому, что бить по детям нельзя – это табу для любого нормального журналиста. Хотя, с другой стороны, Олег Захаров – ребенок или вице-президент банка?

Решимость ехать на съемки уже через минуту сменялась решимостью, никуда не ехать, а взять пива и отсыпаться дома. Тем временем ноги сами машинально несли Андреева к редакции. В конце концов, он придумал для себя компромисс. Можно же просто съездить на разведку? Все ли действительно так? И даже если информация подтвердится – можно сделать кое-какую съемку, а пускать ли ее в эфир – это он решит позже, когда голова будет нормально соображать, и он трезво взвесит все «за» и «против».

В редакции «Новостей» в субботу дежурила только одна съемочная группа. Это значит, что о сделанной съемке будет осведомлен минимум людей. Оно и к лучшему, если Андреев все-таки решит не выдавать материал в эфир. Стас обрадовался, что так отлично все придумал, но спокойствие улетучилось, стоило перешагнуть порог редакции.

– Доброе утро, шеф! Решили проверить – не отлынивает ли дежурная группа? – насмешливо поинтересовалась Настя Миронова.

Как раз Настя-то оказалась сегодня ужасно некстати для Стаса. Съемка была сопряжена с риском. Объект явно охраняется, и есть специальные люди, которые не спускают с него глаз, и не понятно, какотреагируют на телекамеру. Поэтому Андреев понимал, что ехать он должен сам. И в пару ему требовался журналист поопытнее.

Вдобавок к журналисту-стажеру, сегодня дежурил еще и неопытный оператор Миша, чаще работавший с большими студийными камерами, оперативная работа на выезде перепала ему редко. Но матерые операторы-новостийщики не любят работать в выходной. Поэтому

на сверхурочные дежурства обычно попадали молодые сотрудники – и с этой легкой формой «дедовщины» не получалось бороться.

– Настя! Тебе повезло! Я тебя сегодня отпускаю, сам поработаю – поеду на съемку, – слукавил Стас, как ни в чем не бывало, подмигнув стажерке. – Жара такая, что красивые девушки обязаны загорать на пляже, а не париться в редакции...

В глубине души Андреева смущал даже не возможный риск съемки, а другое. Он понимал, что если все-таки не решится выпустить съемку в эфир, это как-то придется объяснять журналисту. И вот этой бойкой девочке, ему почему-то особенно не хотелось гордиться массу разумных доводов, которые от обычного малодушия отличит только настоящий профессионал. Если, конечно, он профессионал. И если это не малодушие...

Однако надежда Андреева, что девушку как ветром сдует из редакции, не сбылись. Настя наблюдала за сборами съемочной группы с явным разочарованием, чуть не на слезах.

Андреев же объяснял оператору Мише нюансы предстоящей съемки. Что надо будет выбрать несколько точек для камеры: со стороны пляжа, из леса и, если получится – панорамный план в лоб, но главное – делать все следует очень быстро. Андреев нарочито повернулся к Насте спиной. И вздохнул с облегчением, только когда обнаружил, что девушки нет рядом. Но сюрприз ждал его в машине. Настя сидела, забившись поглубже, на заднем сидении дежурного «новостийного» микроавтобуса.

– Хочу с вами! – извиняющимся тоном избалованного ребенка протянула она. – И пляж там тоже есть, вы же рассказывали – на пляже съемка?.. Ну, Станислав Дмитриевич! С вами так интересно. А мне же надо набираться опыта?!..

Она поставила Андреева перед фактом, и еще строила самые невинные глазки. Выпихивать из машины упрямую девчонку будет только хуже. Стасу оставалось, только плюхнуться на сиденье рядом, досадуя на ее энтузиазм, типичный для первых недель работы на телевидении. Каждый сначала обречен переболеть им.

Журналисты на телеэкране с микрофоном, на который надет пенопластовый кубик с логотипом канала, всегда молодые привлекательные ребята не потому, что их в редакциях кормят витаминами, и выгуливают на свежем воздухе. А потому что часто меняются, не успев постареть. Работа телерепортера быстро «снашивает» человека. За три-пять лет телерепортер или спивается (снимая ежедневный стресс, сопровождающий эту работу, традиционным способом), или человеку просто надоедает «пахать» за грошовую зарплату, не имея никаких перспектив. Тогда он уходит, в лучшем случае на более спокойное и сытое место, в пресс-службу какой-нибудь корпорации, в худшем – уходит в никуда.

Вчерашних энергичных ребят на экране сменяет новое поколение телевизионного «пушечного мяса». Зрители не замечают этой ротации, которая выкашивает телерепортеров с той же неизбежностью, как выкашивало молодых лейтенантов под Курской дугой. Лишь единицы остаются в этой профессии, но и они через три – пять лет уже не работают репортерами, а делают шаг вверх по служебной лестнице. Становятся редакторами программ или выходят в эфир в роли телеведущих.

Теперь скандалы и конфликты, сопровождающие съемки репортажей на выезде, сменяет постоянный груз ответственности за выпуск. От такого прессинга «выживший» репортер, а ныне редактор, спасается все тем же привычным способом. Но после эфира. А до того, работая над текстами и сюжетами, налегает на бесконечные сигареты и растворимый кофе, килограммового пакета которого редакции не хватает на неделю.

За микроавтобусом телевизионщиков тянулся хвост пыли. К будущему поместью губернаторского сына асфальт еще не проложили. От шоссе метров триста выложили пока широкими бетонными плитами. Но Стас решил ехать в обход. Чужая машина прямо перед воротами привлечет внимание, и стоит оператору начать устанавливать камеру на штатив – мигом

набежит охрана. Поэтому они выруливали окольным проселком. Следовало выехать к пляжу, часть которого была захвачена, и огорожена забором, и оттуда начать съемку, подобравшись по возможности ближе, а потом часть кадров снять в лоб. А пока, сидящих в машине телевизионщиков, мотало на колдобинах грунтовой дороги.

– Нас там не арестуют? – поинтересовалась Настя.

– Мы будем соблюдать осторожность, – пообещал Стас.

Андреев припомнил, как в редакцию поступали звонки телезрителей, жалующихся на здешнее строительство. Сначала полезно было провести опрос возмущенных жителей ближайшего микрорайона. И Настя только что взяла там интервью у группы бабушек, «пасущих» внуков возле детских песочниц. Те наперебой жаловались. Всех местных возмущало, что за забором оказался самый удобный участок близлежащего пляжа и вообще строительство начато в парковой зоне. После этого пришлось рассказать молодой стажерке куда они едут снимать, и чем это может обернуться.

– Поедем искать приключений на свои задницы? – спросил Андреев, как только они завершили съемку во дворах.

– Приключений?! На задницу?! Обожаю! – и Настя вприпрыжку прогарцевала к машине.

Последний участок проселка приближался к поместью через лесополосу. Под лучами солнца ярко-коричневые стволы сосен сияли ярко и празднично. Горячий воздух августа, застыл между стволами.

– Миша, ты камеру приготовил? – спросил Стас. – Времени на съемку у нас будет мало, а потом сразу надо быстро линять.

– Сейчас подготовлю, Станислав Дмитриевич, – спохватился парнишка, расстегивая кофр.

И Андреев опять пожалел, что с ним неопытный оператор.

Микроавтобус с трудом втиснулся на самом краю дикого пляжа, набитого машинами отдыхающих. С толчеей и скученностью на этом пятачке вызывающе контрастировала абсолютная безлюдность соседнего куска песчаной косы, отгороженного от людей колючей проволокой с табличками «Запретная зона». Лучшей иллюстрации несправедливости невозможно было и желать: теснота для простых смертных, загнанных отдыхать на головах друг у друга и пустынный, не используемый берег, для одного избранного.

– Располагайтесь на пляже, как будто на пикник приехали, – распорядился Стас водителю и Насте, пока Миша настраивал объектив камеры, и раскладывал штатив-треногу. – От машины далеко не отходите. Настя, тебя особенно прошу!

Оператор продолжал мешкать.

– Начинаем съемку особняка, или как? – начинал злиться Андреев.

– Отсюда не получится, Станислав Дмитриевич, – виновато признался оператор. – Надо поближе подойти. У меня обычная камера, отсюда слишком мелко получится. Это только на Валерином «Бетакаме» еще остался объектив с 18-кратным увеличением.

– Тогда пошли скорее!

– Кассету запасную возьмите! – забеспокоилась Настя. – Я не знаю, сколько места осталось на той, которая в камере.

Она полезла в сумочку и достала маленькую тридцатиминутную цифровую съемочную кассетку. Стас спохватился, что сам он забыл проверить – сколько пустого места оставалось на рабочей кассете. Давно не выезжал на оперативные съемки и успел забыть кое-какие элементарные правила. А если бы пленка кончилась в самый ответственный момент? Уходя по песку в сторону массивного забора стройки, он еще раз оглянулся, желая убедиться, что непоседливая Настя не побрела куда глаза глядят, а улеглась загорать прямо рядом с машиной.

В лесу стволы деревьев частично прикрыли их, и оператор начал снимать строящийся особняк. Сейчас оттуда заметить камеру было не просто. Разве что отреагировать на световые

блики оптики. Но это если никто из-за забора не заметил высадку «теледесанта» на пляж. Хотя, чтобы отреагировать охране понадобится сколько-то времени: сначала начнут звонить своему начальству, запрашивать инструкции. Но когда сориентируются – охрана быстро двинет им навстречу, и тогда не избежать неприятностей.

– Ну, что, снял? – спросил он оператора.

– Сейчас-сейчас, – послушно засуетился парень. – Уже три плана снял, сейчас еще наезд и отъезд...

Внезапно жутко захотелось курить. Но нельзя. Наконец Миша оторвался от окуляра камеры, и кивнул.

– Пошли теперь во фронт снимем, – велел Стас.

Начинался самый рискованный момент. Снимать предстояло с открытого места и достаточно близко. Не заметить их там не могли. На всякий случай Андреев про себя отрепетировал несколько вариантов разговора с охраной.

– Давайте еще вот с той горки попробую? – попросил Миша. – Там высоко, двор будет как на ладони. Там здание хоть и бочком стоит, но масштаб его будет виден.

И он отправился устанавливать треногу штатива на новом месте. Судя по тому, что к ним до сих пор не вышли – похоже, охрана прозевала момент их приезда и выгрузки.

– Снял, Станислав Дмитриевич! – отрапортовал Миша.

Первый раз ему доверили такое ответственное задание, плюс сама обстановка провокационной съемки способствовала волнению. Молодой парень покраснел, он явно старался изо всех сил.

– Теперь будем снимать в лоб, – решил Стас.

– Кассету надо другую, эта кончилась, – сообщил оператор. Однако в горячке Миша начал как-то неловко вынимать кассету, механизм перекошило, и она застряла. У Стаса похолодело внутри.

– Миша, осторожнее, пожалуйста!

– Ничего! Сейчас я только... Все будет нормально, я сейчас, – засуетился оператор, не без труда, снова отправил перекосившуюся кассету обратно в камеру, затем повторил операцию выброса кассеты и на этот раз она выскочила четко.

Третий раз они установили камеру прямо на обочине дороги из бетонных плит, метрах в пятидесяти от ворот. В этот момент Стас понял, что если со стороны шоссе сейчас в усадьбу поедет какая-нибудь машина – они окажутся зажаты «между двух огней». Поэтому он несколько раз беспокойно оглянулся, не появился ли характерный пыльный хвост, в месте съезда с шоссе на бетонку.

– Мужчина какой-то из ворот на нас смотрит, – не отрываясь от окуляра камеры, сквозь зубы пробормотал Миша. – Достал портативную рацию, как в американских фильмах, что-то говорит в нее, – продолжал докладывать, и снимать оператор.

Стас попытался рассмотреть человека. Но ворота сейчас же плотно закрылись.

– Нас заметили. Уходим, быстро! – скомандовал Стас. – Давай со штативом помогу. – И энергично, почти бегом они устремились в лесок, шагая в сторону машины. При этом оба молчали, приберегая дыхание.

– Сняли? – спросил, завидев их, водитель. – А я специально мотор не глушил!

В салон машины полетели штатив, камера, мигом заскочили Настя, Стас и Миша. Микроавтобус начал разворачиваться, оставляя в песке широкие борозды.

– Как думаете, они за нами погоню не наладят? – Миша спросил скорее для очистки совести. Парень перевел дух – он справился со своей частью задания, и дальше от него уже ничто не зависело.

– Вряд ли, – на всякий случай успокоил Стас. – Хотя точно не знаю. Лучше мотать отсюда побыстрее.

На обратном пути через лес никто уже не любовался красотой нагретых солнцем деревьев. Наоборот, казалось, что коричневые стволы мелькают слишком медленно. В машине повисло молчание, и только слышались надрывные старания мотора на подъемах. Стасу очень хотелось сейчас произнести что-нибудь спокойное ироничное и мужественное, но в голову ничего не приходило.

И только, когда микроавтобус, наконец, выскочил на асфальт шоссе, телевизионщики оживились.

– Пить хочу, – пожаловалась Настя.

– Сейчас до города доберемся, там в первом же ларьке возьмем тебе минералки. Обмоем удачное окончание дела, – пообещал Стас.

– Станислав Дмитриевич, – напряженным голосом вдруг позвал Миша, – С бетонки за нами черная машина выворачивает. Большая, джип.

– «Лэнд Крузер» – уточнил водитель, поглядывая в зеркальце.

Впереди развилка. Налево – в тот самый микрорайон на отшибе, где они только что проводили опрос жителей. Направо – поворот в город. Но там до первых городских кварталов надо было еще ехать.

– Это точно за нами? Погоня, да? – забеспокоилась Настя.

– Сможем оторваться? – спросил Стас.

– Шутите, что ли Станислав Дмитриевич? – скептически отозвался водитель. – Тут по прямой километра три, а у меня не «Порш». Они нас в момент сделают.

– Тогда поворачивай в микрорайон! – приказал Стас. – Береженого бог бережет. Посмотрим. Еще не факт, что это за нами. Может они сами в город поехали по делам?

Но Андреев уже не очень-то верил себе в эту минуту.

Запыхавшийся микроавтобус вильнул в сторону девятиэтажек. Самая длинная из них окружала микрорайон по периметру. Эта «китайская стена», отгораживала от ветра группу домов, имевших простую форму кубиков из детского набора. Внутри «Китайской стены» вели несколько арок прямо в самом здании. В одну из таких арок и нырнул микроавтобус телевизионщиков.

– Джип за нами повернул, – грустно произнес оператор, оглядывавшийся на погоню.

– Пока дом нас загородил, Настя с кассетой быстро выскакивай, и спрячься в любом подъезде, – решил Стас. – Они не знают, сколько нас в машине, сейчас главное кассету со съемкой сохранить. Только не высовывайся! Володя, притормози сразу за аркой...

Настя кивнула, и выскочила из машины, на ходу запикивая еще теплую после съемки видеокассету в карман. Глядя, как она быстро удаляется к подъезду, перед которым на лавочке грелись на солнышке пара бабушек, Стас испытал облегчение. Их микроавтобус сразу припустил вдоль торцевых стен одинаковых домов – кубиков, стремясь увести погоню подальше, от места, куда юркнула девушка. «Лэнд Крузер» преследователей уже въезжал в арку.

– Думаете, стычка может произойти, Станислав Дмитриевич? – стараясь не выдать волнение, спросил молодой оператор.

– Стычки не получится, – успокоил Стас. – Нам с ними в рукопашную не тягаться. Они же тренированные, нас в момент скрутят. Я попробую поговорить.

– Волки, какие-нибудь отставные. Им бы в Чечне с «духами» воевать, а они тут покой начальства охраняют. Халдеи е...ные! – выругался водитель, сам ошестинившийся злостью. Похоже, из всей съемочной группы только он был способен на активное сопротивление.

– Сейчас выходим и разворачиваемся, как будто для съемки, – велел Стас. – Дай микрофон!

Машина остановилась. Андреев вышел наружу, как ни в чем не бывало, озираясь, словно выбирая место для съемки. Оператор Миша вытащил из машины кофр и штатив, и склонился

над ними, расчехляя камеру. Здоровенный черный джип затормозил рядом. Его двери распахнулись, оттуда выскочили двое в «военизированной» форме, но без знаков отличий.

– Кто вам дал разрешение на съемку? – подходя вплотную к Стасу, жестким тоном спросил тот, что был пониже ростом, с худым лицом и серыми, по-рыбьи бесцветными, глазами. Второй занял выжидательную позу у дверей джипа, не вступая в разговор. Этот был невысокий крепыш, с бычьей шеей, мясистым вторым подбородком и спокойствием на лице, отражавшим полное физическое превосходство.

– Вы о чем? – спросил Стас.

– Все ты понял, – отрезал невысокий. – Вы вели съемку строящегося объекта без разрешения. Несанкционированную.

– Мы действуем в рамках закона о СМИ, – попытался спорить Стас.

– Не надо! – отпарировал сероглазый. – Вас никто не приглашал. Это частная собственность и вторжение в частную жизнь. Не имеете права. Лучше отдать видеокассету по-хорошему...

Стас понимал, что кассету отберут в любом случае. Но если он отдаст ее слишком легко, этот сероглазый может заподозрить, что кассета не одна. Если же упереться и пойти до конца, им пару раз крепко и профессионально заедут кулаками, а потом уложат лицом на асфальт. И если уж быть до конца профессионалом – даже лучше пойти на обострение, а потом показать в программе синяки и ссадины, и медицинские справки и устроить из этого дополнительный скандал (так предложил бы Марк). Но Стас прежде никого не провоцировал. К тому же был и довод против – с синяками на физиономии он не сможет вести «Новости». Да и просто боязно, вот так напрашиваться на удар в лицо. Это как ощущение перед прыжком в воду с десятиметровой вышки – решиться, или не решиться?..

Оставалась еще возможность немного потянуть время.

– Мы съемочная группа телеканала «Орион-ТВ», я шеф-редактор службы новостей, – представился Стас, доставая журналистское удостоверение, на красных корочках которого были вытеснены крупные буквы «ТВ». – А с кем я разговариваю?

– Мы частное охранное предприятие, – процедил сквозь зубы «рыбоглазый», машинально взглянув в удостоверение и тут же его возвращая.

– Опричники, – пробурчал водитель съемочной группы, сидя за рулем своей машины.

Охранник смерил его взглядом, но не удостоил никаким замечанием. Только снова повернулся к Стасу.

– Поясните своим людям, что нас не стоит провоцировать. И немедленно отдайте кассету, – со сдержанной угрозой повторил он.

– Кассета дорогая, цифровая, я отдам ее только в присутствии милиции. – Стас попытался вывернуться еще и с помощью такого аргумента.

– Вам ее вернут, – ледяным тоном процедил «рыбоглазый».

– Кто? Когда? Нет, давайте все зафиксируем, составим протокол, – Стас сделал осторожную попытку достать мобильный телефон. Но в тот же момент второй, коротко стриженный крепыш, неожиданно быстро оказался рядом с ним, и Андреев инстинктивно почувствовал, как через мгновение его скрутят. И, видимо, тот же самый инстинкт заставил позабыть вариант, с провокацией на драку.

– Ладно, Миша, отдай кассету, – сдался Стас.

– Не надо никому звонить. Сами разберемся. Давайте лучше по-хорошему, – удовлетворенный победой, сказал главный охранник. Он принял кассету из рук оператора, и уже повернулся к своей машине, но передумал.

– Это та самая съемка? – недоверчиво спросил он.

– Покажи им, – велел Стас, испытывая облегчение, что уже можно подчиниться, значит, бить их будет не за что.

Оператор, молча, вставил кассету в камеру, нажал пару кнопок, и после небольшой паузы жестом предложил посмотреть. Охранник прильнул к видеоискателю. Как понимал Стас, он там увидел кадры ворот и особняка снятые в «фас» – этой частью съемки придется пожертвовать.

Главный охранник дождался, когда кассету ему снова извлекут, после чего изрек снисходительное напутствие:

– Больше так не делайте.

Черный «Лэнд Крузер» взревел мотором, резко развернулся, заехав широкими шинами на паребрик тротуара, и уехал.

Андреев вытащил из кармана пачку сигарет.

– Вот так, среди бела дня, что хотят, то и творят. И никакого закона. Кто сильнее, тот и прав, – проворчал водитель.

– Да, была бы одна кассета – и п...ц всей работе, – признал Стас. Умом он понимал, что победил, сумев вовремя спрятать лучшую часть съемки – с кадрами пляжа и особняка сбоку. Но в душе чувствовал себя ужасно паршиво, не в состоянии отойти от унижения, испытанного, когда было сказано: «отдай кассету, Миша». – Ладно, злее будем, – пробормотал он.

– Да, все нормально, Митрич, – ободрил водитель. – Ты же сделал этих придурков! Только «быковать» и умеют. Дело-то сделано. Поедем что ли за Настей?

Но Настя не заставила себя искать. Она уже бежала к ним через двор. И глядя, каким встревоженным выйдим лицо девушки, Стас вдруг непроизвольно испытал нежность.

А через пять минут, уже на шоссе в машине, они принялись хохотать.

– Представляю лица этой парочки, когда телевизор будут смотреть, – ухахатывался оператор Миша. Водитель отвечал злорадной ухмылкой, и Настя тоже смеялась до слез.

Только Стас не принимал участия в общем веселье. Беспечное неведение молодых коллег вызывало у него тихую досаду. Только он понимал, что сегодняшней материал может стоить закрытия каналу «Орион». И надо ли выдать его в эфир – решимости в душе Стаса по сравнению с утром не прибавилось.

– А если те двое доложат своему начальству про съемку, это не мешает выходу передачи? – вдруг забеспокоился оператор Миша.

– Дураки они, что ли?! – возмутился водитель. – Докладывать начальству, как у них под носом телевизионщики снимали, а они ушами прохлопали, и едва не упустили. Потом по шоссе гнались и во дворах жилых домов на глазах у народа, чуть не «маски-шоу» замутили?

Доводы водителя были резонны, но Стас все равно испытал прилив беспокойства. Он вспомнил, как показал «рыбоглазому» удостоверение. То есть те уже точно знают, какой канал снимал – это «Орион-ТВ». Если они совсем перепугаются – у администрации может «снести крышу».

Андреев мысленно пообещал себе, не использовать эту крамольную съемку без крайней, аварийной необходимости. Только если он совсем не придумает ничего другого подходящего. А такого, чтобы он ничего не придумал – быть не может, подбодрил себя Стас.

– Ну что, на сегодня все дела закончены? – улыбнулся Андреев, понимая, что теперь отчаянно хочет выпить. – Разбегаемся кто куда!

Микроавтобус направлялся в редакцию мимо городской набережной. А в центре набережной располагался известный Стасу стеклянный павильончик, где можно купить вино.

– Как разбегаемся? – возмутилась Настя. – Вы мне сначала минералки купите!.. Обещали.

– Володя, останови!.. – попросил Стас. – Нельзя мучить ребенка, если обещал, – подмигнул он Насте.

И через минуту микроавтобус поехал дальше в редакцию, разгружать честно отработавшую в выходной день телекамеру, а Станислав Андреев и молодая стажерка «Новостей» спустились по лестнице к набережной. С каждым шагом отдаляясь от жары накаленного солнцем

асфальта и приближаясь к свежести, которую мерно несла внизу рассекавшая город пополам могучая река.

6

В душном магазинчике на набережной двое «новых русских», в мятых шортах и с ключами от автомобилей в толстых пальцах, стоя перед прилавком, никак не могли определиться, сколько и чего брать на свою компанию. Продавщица снимала с верхней полки то одну, то другую бутылку подороже, демонстрировала ее придирчивым покупателям и уносила обратно. Они могли бы еще долго препираться, но Стасу повезло.

– Ой! А я вас знаю! Вы на телевидении работаете! – с восторгом уставилась на Стаса вторая продавщица, только что вышедшая из подсобки.

– Здравствуйте, действительно, «Новости – Орион», – улыбнулся Стас.

Обычно Андреев терялся, когда случайные люди его узнавали на улице или в транспорте. Стас привык, что чаще узнают, и обращаются странные типы, отделаться от которых потом не просто. Он научился обороняться от них искусственной «дежурной улыбкой», и торопился уйти от неловкого разговора. Поэтому не любил, когда узнавали на улицах. Но в этот раз Андрееву стало приятно, что его узнали в присутствии Насти. И вообще это оказалось кстати.

– Давайте я вас обслужу, – искренне засуетилась сияющая продавщица. – Очень ваша передача нравится. Только иногда за вас беспокоимся. Сильно смело выступаете...

– Главное, чтобы правда была на нашей стороне, – подмигнул Насте Стас. – Тогда все будет хорошо... Посоветуйте, пожалуйста, какого вина взять пару бутылочек? И минералку еще...

– Возьмите молдавское. Мы с девчонками его пробовали на прошлой неделе – прямо прелесть! – зарделась польщенная доверием продавщица. – Поставщик у нас постоянный, надежный, что попало не подсунет.

Она даже тщательно протерла бутылки от пыли тряпочкой, и улыбнулась на прощание. В результате такого маленького «телевизионного блага», Стас и Настя «сделали» «новых русских».

– Вас часто узнают на улицах? – полюбопытствовала Настя.

– Когда как, – признался Стас. – Обычно срабатывает эффект знакомого лица. Думаю, что многие узнают, но потом мучаются: «Где же я его видел?» А кто-то узнал, но не говорит об этом. Чаще простые люди в магазинах или на рынках сразу говорят: «А я вас знаю».

– Здорово, – не скрывала восторга Настя. – Как я вам завидую! У вас такая интересная, захватывающая жизнь, Станислав Дмитриевич!

Такая наивная иллюзия новичка была хорошо знакома Андрееву. Он не собирался возражать восхищенной девочке. Ей пока ни к чему знать, например, как буквально все сотрудники «Ориона» от эфирных ведущих до техников и осветителей – развелись с прежними семьями. Это типичная плата за работу на ТВ. Ведь практически все свое время эти люди тратили в редакции и на студии, где им было интереснее всего.

Вот и жена Андреева, однажды устала от работы мужа, и повернула свою жизнь иначе. Ушла, забрав маленького сына. Стас ощутил горький укол в сердце, от того, что с тех пор сын перестал быть улыбчивым, ласковым трехлеткой, и почти ушел из его жизни. И сколько всего хорошего уже безнадежно осталось в прошлом. Прошло мимо, толком не распробованное, в лихорадке вечной заботы – что поставить в вечерний выпуск «Новостей»?

Не стоило рассказывать и то, что в съемной однокомнатной хрущовке Стас Андреев только ночует. За несколько лет, прошедшие после развода, он обзавелся привычкой допоздна засиживаться после эфира в опустевшей редакции. Пока охрана не начинает выдворять. К этому времени не остается уже не только редакционной машины, но и общественного транс-

порта на улицах. Приходится добираться на такси. Денег на транспорт у него всегда уходит много – больше только на алкоголь.

В выходные Андреев сначала отсыпался, а ближе к вечеру ноги сами несли опять в редакцию. Причем там всегда околачивался еще кто-нибудь из «новостейщиков», по непонятному зову, находивших поводы явиться на работу и в выходные. Так неделя проходила за неделей. Только работа, чужая съемная квартира и алкоголь – вот, в общем-то, и все, что накопилось в «интересной» жизни Андреева к его тридцати четырем годам.

– У тебя тоже начнется интересная жизнь, если в «Новостях» закрепиться! – обнадежил девушку Стас.

И почему-то, вместо правды, он вдруг принялся с жаром выкладывать юной стажерке о новой программе, которую затевает «Орион». О том, какой это будет небывалый проект и качественный скачок в развитии телеканала, начинавшего свой путь из подвального «видео-салона» времен перестройки.

– Знаешь, например, почему мы называемся «Орион»? Такой марки был первый видео-магнитофон, который Марк когда-то достал для своего салона. В честь него потом и назвали канал, – хвастался Стас, улыбавшейся Насте.

Они вместе брели по набережной вдоль реки, и он даже размахивал руками, рисуя в воздухе блестящие перспективы «Ориона», при этом обе руки были заняты бутылками вина. А вокруг молодежь побойчее и попьаннее с шиком купалась прямо здесь, ныряя через парапет набережной и терзая атмосферу вечера «отвязным» хохотом и воплями.

– А у нас с этой программой получится? – спросила Настя, не без зависти поглядывая на несколько торчащих в воде отчаянных голов, явно готовая тут же раздеться и плюхнуться в реку.

– А давай за это выпьем? Чтобы все у нас получилось... Составишь мне компанию? А то одному как-то не очень... – неожиданно признался Стас.

– Я и сама хотела предложить посидеть здесь где-нибудь на травке. Вечер уж больно хороший начинается, – согласилась Настя.

Они расположились на газоне. Вечер складывался из цепочки маленьких удач. Вкусное вино, потрясающий вид на реку. Симпатичная собутыльница. И даже жара, так и не прекратившаяся к вечеру, около реки не была в тягость. Но главное, Андреева распырало желание говорить с кем-нибудь о будущей программе, поделиться планами, и вместе помечтать. Вино исчезало стремительно и незаметно. Стас не успел рассказать еще и половины своих идей. Ведь девушка слушала его, не отрываясь, и покусывала краешек пластикового стаканчика.

– Может пойти искупаться? – как бы невзначай, вдруг предложила Настя, кивнув в сторону реки. – А то на пляж ездили, а воду даже не попробовали, – напомнила она.

– Плавки не взял, – опешил Стас. – А купаться голышом на глазах половины города – я еще не дошел до кондиции.

– Так давайте, скорее, дойдем до кондиции! – рассмеялась она.

Примерно с этого момента вечер ускорился. Бег времени всегда коварно убыстряется, когда опьянение переходит в более тяжелую весовую категорию. Андреев так увлекся, что даже не понял – каким образом на смену вину возникла бутылка коньяку, который они закусывали наполовину растаявшей шоколадкой. Между тем успело стемнеть, а он все говорил и, наверное, много лишнего. И вообще уже было поздно.

Но вдруг Настя буквально потащила его за руку в дискотеку под открытым небом на дальнем краю набережной. На загороженной рекламными щитами танцплощадке оглушала музыка, слепили отвратительно мельтешащие огни, извивались потные тела пьяных, полуголых мужчин и женщин. Только тут Стас почувствовал, что уже зверски пьян, еще немного, и он что-нибудь натворит, а отрывки воспоминаний о прошедшей ночи окажутся такими, что лучше бы вообще ничего не помнить.

– Пошли отсюда! – прокричал Андреев Насте.

– Что?!!

– Не могу больше, пошли отсюда! – попытался он перекрыть музыку прямо ей в ухо, и на этот раз ему удалось.

– Пошли купаться!.. – не менее громко согласилась девушка.

Ночь наступила безоблачная, и стоило отойти от гремящей и слепящей танцплощадки, как на небе проступили звезды. А противоположный берег реки блестел электрическими огнями большого города. Только Стасу было трудно на них смотреть, потому что голова плыла, огни и огоньки сливались в мутный световой шлейф, словно на мокром стекле или в объективе расфокусированной телекамеры.

Они брели тополевой аллеей там, где парадная набережная уже закончилась. Дальше начиналась серия замусоренных песчаных пятчиков, выходивших к воде, которые не слишком законопослушные горожане использовали, как дикие пляжи. И стоило поравняться с первой такой песчаной проплешиной, как Настя, повиснув на его руке, оглушительно и влажно чмокнула в ухо поцелуем, шепнув: «Пошли в воду». Скинув с себя футболку, она стремительно поскакала к воде на одной ноге, стягивая непослушные джинсы, сразу вместе с трусиками. Уже через секунду девушка нырнула с головой в черную воду реки, и сильное течение сразу увлекло ее.

Стас раздевался дольше, стараясь не шататься. Кое-как освободившись от одежды, он плюхнулся головой вниз, моментально вынырнул и стоял, пытаясь отдышаться, по грудь в воде. Слегка протрезвев, он вспомнил, что сегодня не один. И начал испуганно оглядываться, потеряв из виду Настю.

– Классно! – Настя неожиданно подплыла сзади, и обвила руками его шею. Андреев пошатнулся, борясь с течением, с трудом восстанавливая равновесие.

Ее нагое тело оказалось так близко, что Стас задохнулся он внезапно захлестнувшего его желания. Но он побоялся, что это просто такая детская забава, после которой озорная Настя выставит его на посмешище. Где-то внутри сидел вечный страх, что он – телеведущий, его узнают, он должен держать себя в рамках. Да еще и ее непосредственный начальник, чуть не вдвое старше.

– Классно, – согласился он, высвобождаясь из ее дрогнувших объятий. Стас побрел прочь из воды, немного боком от Насти. Отворачивался, чтобы скрыть внезапную эрекцию.

Он слышал, как Настя выходит следом, но не решался оглянуться, как бы давая возможность ей прикрыть наготу, нарочито демонстрируя, что он не подсматривает. Но в этот момент Андреев вдруг испугался, что сейчас ничего не случится: вот пока он стоит спиной – она оденется и уйдет! И ничего не будет.

Эта мысль так захлестнула Стаса, что он больше не думал ни о чем. Андреев обернулся, шагнул к Насте, притянул ее к себе, и впился поцелуем в губы. Руки девушки обхватили его шею, и ее тело, в холодных капельках воды после ночного купания, прижалось к нему изо всех сил.

– Я ждала: решишься ты все-таки или не решишься? – чуть насмешливо прошептала она, на секунду высвободив губы.

А дальше ее рука скользнула вниз, вдоль его тела, и нашла то, чего Стас еще минуту назад стеснялся.

– У-у-у!.. – с наигранно удивленной интонацией хмыкнула Настя. – Вот это да! – голос ее внезапно обмяк.

В ответ он только прижался ртом к ее шее, и почувствовал, как пульсирует под кожей горячая нежная жилка. Сердце колотилось у нее с какой-то невыносимой скоростью, как у теплокровной маленькой зверушки. Настя задышала часто, так, словно не хватало воздуха.

Сам, уже изнемогая от желания, Андреев быстро оглянулся по сторонам. Они стояли на небольшом пятачке сырого песка, который был еще и наполовину замусоренным. Здесь негде было пристроиться, не вывалевшись в каком-нибудь дерьме. Но вверху, ближе к аллее, стояли два мощных тополя. До них был один шаг. Настя тут же сделала его, и приникла к дереву, обхватив ствол руками. Андреев приблизился сзади, и, раздвинул ее ноги чуть шире. Но получилось все равно не удобно. Ноги оказались слишком длинными.

– Чуть ниже, – потребовал он. Настя подалась ему навстречу.

– Дай мне руку! – уже на грани истерики умоляла она.

Андреев обхватил ее шею рукой, почувствовав, как девушка потихоньку кусает его предплечье. И одним мощным толчком вошел в нее, ощутив и то, как Настя с надсадным стоном блаженства до боли вцепилась зубами в его руку.

– Как мило! Прямо у всех на виду! – ехидный женский голос со стороны аллеи прозвучал чудовищно некстати. – Ха-ха-ха! – наткнувшаяся на них компания молодежи не собиралась уходить, не навеселившись досыта.

Настя, быстро вывернувшись, исчезла под защитой речного берега.

– Завидно, что ли?! – бросил сквозь зубы Андреев, и, не дожидаясь ответа, тоже вернулся к реке.

Настя уже одевалась, опять подпрыгивая на одной ножке, натягивала джинсы.

– Уроды! – зло огрызнулась она.

– Мы слишком людное место выбрали, – признал очевидное Андреев.

Испытывая досаду, он тоже надел джинсы и обнял девушку.

– Найдем место, где никого нет? – предложил он.

В ответ Настя только многообещающе стиснула его ладонь.

– Глотни коньяку! – предложил он. И почему-то ощутил прилив огромной нежности, глядя на ее горло, с неумелым старанием выгнутое вверх, когда девушка сделала пару обжигающих глотков из почти опустошенной бутылки.

– Класс! – улыбнулась она, лихим движением вытирая губы ладошкой.

Но длинная тополевая аллея оказалась этой летней ночью местом отвратительно людным и не пригодным для любви. Неподалеку, прямо на берегу, пара джипов высвечивала фарами кусок берега и застолье, накрытое на надувных матрасах. Еще дальше просто лежала здоровенная куча мусора. Какие-то люди оказывались везде: и в воде, и на суше, невзирая на темноту.

Им повезло не скоро. Пришлось отойти совсем далеко. Так, что впереди из темноты зазвучал громкий перестук ночных поездов. Значит, они добрались почти до самого железнодорожного моста. Где-то дальше к мосту, бомжи жгли костер. Хрипло перекликаясь о чем-то в ночи. Но сил искать другое место не оставалось уже ни у Стаса, ни у его юной спутницы. Здесь им, наконец, попался никем не занятый песчаный пятачок.

Стас не очень четко помнил, как все произошло. Он осознал себя снова, когда все уже случилось. Он лежал спиной на прохладном песке, тяжело дыша, испытывая не то счастье, не то – опустошение. А Настя, только что содрогавшаяся от бурного оргазма, повернулась и грациозно провела пальчиком по его груди, а потом принялась нежно целовать ее, без спешки прижимаясь во всю ширь мягкого рта.

– Ты такая молодая, а возбуждаешься мгновенно, как спичка, – сказал он, потому что молчать было уже невежливо. – Не думал, что такое бывает, – признался он, и тут же мысленно обругал себя за неловкое признание.

– Завожусь с полтыка? Вы это хотели сказать, Станислав Дмитриевич? Давайте сразу называть вещи своими именами, – слегка виноватым, но довольным тоном промурлыкала Настя. – Уж, какая есть.

Жаркая духота понемногу сменялась предутренней прохладой. Настя опять приникла к нему, дорожкой коротких поцелуев вдоль живота медленно сползая вниз и изредка испытующе поглядывая ему в лицо порочно мутнеющим взглядом.

Она усердствовала, наверное, полчаса, измучив и его и, наверное, себя, но выдавила из Стаса последний оргазм. И сама, обессилив, долго прижималась к нему, судорожно вздрагивая.

В такую ночь светает всегда слишком рано. Краешек солнца показался вдалеке за восточным берегом реки. А Стас гладил ее, как маленькую девочку, по ледяной тонкой шее и теплему затылку. А потом они молча курили по очереди последнюю сигарету, все еще не одеваясь, хотя становилось зябко, и Настя дрожала все сильнее. А он только старался плотнее обнять ее, чтобы не мерзла.

Прямо напротив них, вверх по реке, басовито рокоча, взбирался маленький буксир. Настя в последний раз зачерпнула речной воды, чтобы умыться. Обернулась, и как-то непривычно кротко спросила.

– Ты не сердись, что я сегодня была плохой девочкой? – в этот миг на ее лице не оставалось ничего детского.

– Ты чудо... Красивая, как русалка, – только и нашелся сказать Стас.

И понял, что не убедил, по тому, как она отвернулась, словно пряча от него внезапную злость.

– Блин! Уши полные песка! – возмутилась Настя, и запрыгала в сторону на одной ножке, наклоняя голову то к одному, то к другому плечу.

А потом они шли рядом, поднимаясь от реки по аллее, постепенно переходящей в улицу. Через пару кварталов, за старым кинотеатром и недавно построенным гипермаркетом начинался студгородок. Там, насколько знал Стас, в общаге была комната, в которой Настя жила со своим Игорем.

Город был еще пустынным, низкие лучи восходящего солнца беспрепятственно и далекобойно били вдоль улиц. На редких скамейках кое-где виднелись такие же бессонные парочки, загулявшие этой ночью. Периодически сзади нарастал шум мотора, и мимо пролетала небогатая машина, «пятерка» или «копейка». Некоторые водители даже притормаживали, вопросительно поглядывая на Стаса. Он только отрицательно покачивал головой. Слишком хотелось продлить еще хоть на несколько минут это медленное шествие вдвоем по пустынной улице. В мятой одежде, сохранявший запах речной сырости, как печать еще не забытого греха.

Он знал, что время до их расставания отсчитывает последние секунды. Расставаться было уже пора. Потому что он смертельно устал, и пересохшую глотку уже сдавливала жажда. На удивление, сегодняшнее похмелье, было гораздо слабее, чем он заслуживал после стольких вчерашних излишеств.

– Тебе на работу лучше надеть что-нибудь с длинным рукавом, – кротко предупредила Настя, легонько потрогав пальцем на его руке свой ночной укус, наливавшийся фиолетовым синяком, – Слишком заметно будет.

– Ничего что я тебя провожаю? Игорь тебя не потерял? – спохватился Стас.

– Его сегодня нет в городе, – просто объяснила она. – Но во двор общаги тебе правда не стоит заходить.

Андреев не зашел во двор общаги. Они расстались как-то неожиданно быстро. Ничего не сказав друг другу. Он только чуть пожал ее руку выше локтя. А в следующее мгновение Настя уже шла в сторону, только на секунду оглянувшись, чтобы кивнуть ему с вымученной улыбкой.

Стас побрел обратно. Щурясь от раскаляющегося с каждой минутой летнего солнца. И вдруг поймал себя на том, что, наверное, мог бы свободно полететь вдоль улицы, раскинув руки, практически не касаясь подошвами асфальта. Эта мысль так понравилась, что он решил удержать ее в голове как можно дольше. А для этого срочно нужна была бутылка пива. И

он оглянулся по сторонам в поисках круглосуточного ларька, заодно обшаривая карманы – остались ли хоть какие-то деньги?

И сразу почувствовал – что-то не так. Андреев еще не понял, что его встревожило, но уже знал – сейчас он обнаружит плохое...

В карманах не было кассеты съемки губернаторского особняка. Он специально забрал ее с собой из редакционного микроавтобуса, чтобы положить в какое-нибудь надежное место. И вот, теперь лихорадочно обхлопывал карманы джинсов, выворачивал карманы рубашки, но все было тщетно. Кассету он где-то посеял.

Где же он мог пьяный мог ее выронить? На песке, где они были с Настей, на дискотеке, на газоне – на травке?.. Шансы сейчас что-то найти – просто никакие. И снять заново, когда там охрана уже будет настрожена – тоже нереально. А может это сама судьба за тебя решила, что не надо такую съемку выдавать в эфир?

Но что он скажет Насте и остальным? Бездарно потерять драгоценную съемку было хуже всего. Как можно было по пьяной глупости так испортить прекрасные итоги сумасшедшего дня? Единственное, что теперь оставалось – взять бутылку пива и идти обшаривать весь берег. И молиться, чтобы съемка особняка губернаторского сына не угодила в чужие, враждебные «Ориону» руки...

7

На следующее утро телефон зазвонил в кармане у Андреева, когда он ехал на работу в «маршрутке».

– Ты где? – поинтересовалась Светка. – Приезжай быстрее, Журавлева убили. Застрелили в подъезде.

Это была суперновость. Такого убийства в городе еще не случалось никогда. Обычно друг дружку отстреливали бандиты. Отдел криминала раз в месяц привозил сюжеты о том, что «найден труп такого-то, в криминальных кругах известного под кличкой такой-то». Гибли мелкие бизнесмены. Чаще всего таких заказывал деловой партнер, желающий прибрать к рукам совместный бизнес. Реже погибали крупные бизнесмены. При неоднозначных обстоятельствах: председатель какого-нибудь совета директоров перевернется на катере в холодную погоду или разобьется вместе с вертолетом МИ-8. Иногда даже оставались живые свидетели события, подтверждавшие, что внезапная смерть местного олигарха – несчастный случай. А дальше траурная процессия, скорбящие отцы города с черными повязками на рукавах, все как положено...

Убийство Максима Николаевича Журавлева не укладывалось ни в одну из этих схем. Потому что человека такого уровня в области еще не убивали никогда. И дело было даже не в его высоком положении в иерархии областной власти – еще недавно Максим Николаевич занимал очень влиятельный пост управляющего делами администрации. Неприкосновенность ему гарантировало даже не это. Журавлев входил в ближний круг губернатора. Они поднимались вместе по служебной лестнице еще в обкоме КПСС. Но даже такие обстоятельства не защитили чиновника нынешним утром. Он лежит в подъезде с пулей в голове, вероятно, после контрольного выстрела.

Примерно так думал Стас, уже подходя к редакции. Из двора вырубивала редакционная «Волга». Кроме оператора, там сидел еще Игорь – ведь именно его Стас сделал ответственным за криминальную тему в «Новостях».

– Я с вами, – распорядился Андреев и тоже сел на заднее сидение.

Сидя бок о бок с парнем Насти, Андреев не мог перебороть неловкость. Опасения – знает ли Игорь, что-нибудь про их проделку на пляже – сменялись в душе жгучей завистью, что именно этому пацану ужасно повезло первым встретить ее. Причем, сам-то он по молодости, наверняка, не умеет ценить счастье, которым обладает. И как назло, эта небрежность, только крепче привязывает девушку к нему, невзирая на легкие капризы на стороне. Так всегда и бывает.

А еще Андреев злился из-за того, что сам Игорь, непроизвольно усугублял чувство вины перед ним: по-детски открыто доверяя своему шеф-редактору. Сам того не желая, Стас успел стать для парня непререкаемым авторитетом, тот буквально ловил каждое его слово. Пришедший в «Новости» всего несколько недель назад, Игорь отлично справлялся и даже успел наработать кое-какие связи в органах. Любой руководитель информационной службы должен был бы всеми силами стараться удержать такого новичка, а не трахать его подружку.

Андреев дорого бы дал, чтобы не сидеть сейчас рядом с Игорем в машине. Но событие было настолько вопиющим, что требовалось увидеть все на месте собственными глазами. Инстинкт подсказывал, что за этим убийством крылось что-то чрезвычайно серьезное.

– Нас пустят снять место преступления? – спросил Стас, продолжая испытывать неловкость, и потому глядя в сторону.

– Обещали, – отозвался Игорь. – Там знакомый майор сейчас в оцеплении. Мы на прошлой неделе сделали сюжет, как их награждали почетными знаками. Менты были довольны. Я сейчас звонил, говорит – приезжайте, попробую что-нибудь сделать.

– Что-нибудь уже известно?

– Вроде стреляли из пистолета. Когда он утром выезжал на работу. Нагло очень действовали, – рассказывал Игорь, подражая небрежному тону матерого криминального репортера. – Дом там не простой, подъезд с видеонаблюдением, а все равно грохнули – не побоялись.

Дом действительно был не простой. Покойный Максим Журавлев помимо загородного коттеджа периодически жил и в городской квартире, в доме еще советской постройки, где прежде селилось все областное партийное начальство. Народная молва окрестила дом «дворянским гнездом».

В городе уже возвели немало дорогих зданий, которые по уровню элитности давно превзошли «дворянское гнездо». Однако дом все равно оставался престижнее многих, как классика номенклатурной роскоши. К тому же, если в элитных новостройках в соседях оказывались новые русские, непредсказуемые и с криминальным прошлым, то в «дворянском гнезде» потихоньку старели бывшие партийные бонзы и руководители города. Убить здесь – было откровенным вызовом власти.

А убить здесь одного из ближайших соратников губернатора – это уже был полный беспредел, и попахивало попыткой государственного переворота.

Подъезд, в котором произошло убийство, был оцеплен милицией. Ближко не подпускали никого. Только несколько машин с номерами областной администрации. Перед оцеплением, в ожидании томились машины нескольких телеканалов.

– Пойду, поищу своего майора, – пообещал Игорь и направился к милиционерам, стоящим в оцеплении.

Перед подъездом озабоченно совещалась группа осанистых и крупнотелых главных милицейских чинов области. На их фоне выделялся своим штатским видом Владимир Корнев – советник губернатора по вопросам безопасности. В обычном сером пиджачке, чекист при губернаторе курил, укрывшись под козырьком подъезда от накрапывавшего дождя. «Вот, кого бы спросить обо всем. Но ведь не скажет ни слова», – зло подумал про себя Стас. Малоприметной внешности спецслужбист имел репутацию «специалиста по решению деликатных вопросов», и его побаивались местные вельможи, имевшие за собой грешки (а так как грешки водились за каждым, Корнева опасались все). Поговаривали, что компромата на окружение «деда» у него накоплен не один чемодан.

Все журналисты, собравшиеся во дворе, чего-то ждали. Только местное ГТРК записывало на камеру рассказы соседей.

– Ну, и что ты думаешь обо всем этом? – подошел к Стасу знакомый замредактора «Вечерки» Баир Касумов.

– Такого человека и в таком месте... – покачал головой Андреев.

– Я слышал, на покойного с месяц назад уголовное дело было открыто, – поделился информацией газетчик. – Сам понимаешь, должность у покойника была самая хлебная, какая только может быть... Кстати, ты в курсе, что он уже не был управделами администрации? Говорят, после отставки возглавил какую-то частную фирму?

О таких слухах Андреев уже слышал.

Подошел Игорь и вполголоса сообщил:

– Обещает пустить. Как только эксперты работу закончат и начальство уедет. Им осталось минут на десять. Потом труп уберут.

– Только нас пустят? – равнодушным тоном поинтересовался Стас. Хотя ему было очень даже не все равно. Эксклюзивно заполучить «картинку» трупа после сенсационного убийства – мечта любого телеканала.

– Пацаны, возьмите еще моего фотографа? Нам первополосный снимок нужен! – взмолился «вечершник». – Мы же с вами не конкуренты!

Стас рассудил, что правильнее помочь коллеге – когда-нибудь можно будет и его о чем-нибудь попросить.

Ожидание, однако, затянулось. Милицейское начальство вдруг выразило готовность дать комментарии. И телекамеры всех каналов дружно зашпешили на импровизированный брифинг.

Все засуетились, а Андреев вдруг заметил рядом гэбиста Корнева, оставшегося безо всякого внимания журналистов. Тот стоял в одиночестве, видимо, ожидая машину. Более удобной возможности подойти, и спросить что-нибудь, трудно представить. Но зловещую репутацию Корнева, гулявшую по коридорам администрации, Стас отлично знал. Интервью чекист не давал никогда и никому. Тем более, что и канал «Орион» после серии сюжетов про завод, наверняка, там считается вражеским.

«Подойти – не подойти?» – заныло, затрепыхалось внутри у Андреева сомнение. Такого шанса уже не повторится. Стас решился.

– Здравствуйте, Владимир Афанасьевич, я Станислав Андреев, «Новости-Орион», – представился он, не очень решительно.

Советник губернатора повернулся, долю секунды посмотрел на Стаса, невыразительными глазами и молча протянул руку для приветствия.

– Что вы думаете насчет этого? – осторожно поинтересовался Стас, ободренный тем, что его хотя бы с ходу не отшили.

– А что вы сами думаете? – отозвался Корнев.

– Все это похоже на вызов областной власти. Ведь Журавлев – ближайший соратник губернатора.

– Не все так просто. Я бы не стал проводить прямые параллели между губернатором и людьми из его окружения, – Корнев явно тщательно подбирал слова. – А насчет вызова власти, так и есть.

– Скажите, правда, что на Журавлева было недавно открыто уголовное дело? – спросил Андреев.

– Да, – после некоторой паузы, подтвердил советник губернатора. – Информация соответствует действительности.

– Тогда тем более интересно, что вы об этом думаете? Потому что ничего не понятно, – не унимался Стас. Он решился выжать максимум из ситуации: или втянуть Корнева в разговор и добиться хоть какой-то конкретики, или уж нарваться на отказ. Но вышло ни то, ни се.

– Вы ведь понимаете, что сейчас я ничего не могу рассказать. Пока нет даже предварительных данных, – без тени раздражения ответил чекист. – И давайте сразу договоримся, что вы нигде, никогда на меня не сошлетесь? Это понятно, Стас? Иначе дружбы у нас не получится, – и Корнев посмотрел на телевизионщика взглядом, не оставляющим сомнений, что эту «дружбу» нельзя нарушить ни в коем случае.

– Ну, хоть какие-то версии сейчас уже есть? – уже из чистого упрямства, втиснул последний вопрос в короткую беседу Стас.

– Я знаю одно, – снова тщательно подбирая слова, все же ответил советник губернатора. – Чистый и не связанный с криминалом чиновник рискует меньше. Но если он вступил в эти отношения, его там уже считают своим. То есть на него уже распространяются законы преступного мира, его понятия и его методы.

Он коротко кивнул, прощаясь со Стасом, и уехал. К этому моменту закончилась и пресс-конференция с милицейским начальством – журналисты врассыпную расходились. Некоторые поспешили уехать в редакции сдавать материалы.

Знакомый майор сдержал слово и провел камеру «Новостей-Орион» за оцепление к подъезду.

– Пистолет «ТТ», – на ходу пояснял майор. – С глушителем. Брошен в подъезде. Он сначала два раза выстрелил в грудь, потом – контрольный в голову. Профессиональная работа... Снимайте, только аккуратно.

В подъезде было полутемно. Сотрудники правоохранительных органов на лестничной клетке первого этажа в этот момент уже не работали. Оператор включил яркую лампу, надетую на камеру и начал съемку. Выхваченный ярким светом труп Максима Николаевича Журавлева лежал на полу в лифте. Не сразу Андреев понял, что темные пятна на задней стенке лифта и на полу в подъезде – это кровь.

Он вообще не сразу узнал чиновника. Собираясь этим утром, Журавлев оделся в светлый легкий пиджак. Теперь он лежал бесформенной грудой мертвого мяса. Живот выпирал вверх, и заголился из-под задравшейся летней рубашки. И это казалось странно, потому что при жизни чиновник выглядел довольно стройным, а оказывается, у него под пиджаком скрывался изрядный живот. Колени неестественно вывернуты в сторону. Лица не видно. Андреев не стал рассматривать подробности – ему было не по себе. Стас еле дождался конца короткой съемки. Выскочив из подъезда, он полной грудью втянул свежий, влажный после летнего дождя воздух, а потом торопливо закурил.

– Спасибо, коллеги! – чуть не бросился обниматься Баир, замредактора «Вечерки». – Огромный вам респект за фотографии! Спасли буквально! С меня пиво. Будешь, Стас?

Андреев кивнул. После тягостного зрелища в подъезде и напряженного разговора с Корневым, чуть-чуть расслабиться очень хотелось.

– Ну, как впечатления? – спросил Баир Касумов, водружая несколько пластиковых стаканов с пивом на столик в первой попавшейся забегаловке.

– Не по себе, – признался Стас. – Я же с ним знаком был, интервью брал, здоровались. А тут на тебе – лежит труп в лифте.

Мутные нехорошие слухи о покойном Журавлеве ходили в коридорах областной власти всегда. Поговаривали, что он чуть ли не главный коррупционер в окружении «деда», и удивлялись, как «дед» вообще его до сих пор терпит. И даже намекали, что может быть, у Журавлева есть что-то на Захарова, и губернатор не может от него так просто избавиться. Но такая уж должность – управделами – завязанная на большие материальные ценности. Завистников хватает, наверное, у любого управделами в любом регионе. А фактов подтверждающих нечистоплотность Журавлева не появлялось никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.